

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ
ДРЕВНИЕ
ИДолЫ
ЕНИСЕЯ

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT D'ARCHÉOLOGIE

E. B. VADETSKAÏA

LES IDOLES
ANCIENNES
DE L'ÉNÏSSEÏ

ÉDITION «N A U K A»

SECTION DE LÉNINGRAD

Léningrad

1967

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И

Э. Б. ВАДЕЦКАЯ

ДРЕВНИЕ
ИДолЫ
ЕНИСЕЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ленинград
1967

Ответственный редактор
доктор исторических наук
М. П. Грязнов

В сибирской степи стоят камни. Одни имеют форму столбов, сабель, сигар; другие камни плоские или бесформенные. Камни одиноко возвышаются над степью либо встречаются группами. Но чаще они стоят у древних могил, находящихся в хакасско-минусинских степях в таком изобилии, что этот край можно назвать музеем под открытым небом или заповедником древнего мира (табл. 1).

Когда едешь по степи, вдыхая аромат полевых цветов, куда ни взглянешь — всюду могильные холмы, огороженные гигантскими глыбами, столбами, плитами. Вот как описывает сибирский поэт прошлого века свои впечатления о «могильной» степи:

Я видел множество могил,
Которому мой взор конца не находил.
Сии старинные курганы,
Рассеянные по полям,
У коих камни по углам
Стоят как грозны великаны.
Неволью клонит пылкий ум
К принятию самых мрачных дум.
Для грусти там живая пища,
К мечтам в былое тьма причин;
Идешь в безмолвии один
Среди всемирного кладбища...

При косом освещении, в часы восхода и заката на некоторых камнях вдруг вырисовываются контуры человеческого лица, глаза, нос и рот. Лица высечены глубокими желобками на широких или на узких гранях плит и окрашены охрой. Многие в них непонятно. Почти все пересечены поперечными полосами, имеют не два, а три глаза (третий на лбу), на голове вместо волос звериные рога и уши или «корона».

На этих изображениях всегда останавливался взгляд путника, будь то местный пастух или путешественник. До сих пор такие камни служат ориентиром у жителей. И, конечно, всех интересовало и интересует, кто их поставил, какому народу принадлежат подобные изваяния, как велика их древность, кто изображен, боги или люди, почему лица имеют три глаза и рога. Этими вопросами давно занимаются ученые, и хочется рассказать о том, что уже теперь из таинственного и непонятного стало ясным.

Как высекали изваяния

Древние антропоморфные изображения Египца своеобразны. Высекались не фигуры или силуэты, а только одни лица в головных уборах. Но часто под лицом выпуклостями обозначены груди и живот. Все изваяния выполнены одной техникой: выбрав подходящую плиту или стелу, сначала тонкими штрихами намечали будущий рисунок, затем специальным орудием выбивали желобок и затирали твердым камнем; в ряде случаев желобки окрашивали охрой. Такое изображение отчетливо вырисовывалось как на глыбах белого или серого гранита, так и на плитах коричневого песчаника, специально для этого вывезенных с гор. Для изваяний использовали тонкие и массивные плиты. Тонкие плиты легко бились и до нас дошли лишь в могилах, массивные же до сих пор стоят в степи молчаливыми свидетелями жизни многих исчезнувших народов и поколений.

Не все идолы идентичны. По числу глаз, головному убору и полосам на лицах их можно условно разделить на три группы: реалистическую, переалистическую сложную и нереалистическую простую.

Реалистических изображений немного. У них заостренный подбородок, прямой нос, нет полос на лице, третьего глаза и головного убора. Это совершенно реальные человеческие лица, без каких-либо фантастических придатков (рис. 1, табл. 2—4). От описанных изображений резко отличаются «божества», переданные в виде примитивных схем: овальное или круглое лицо, глаза обозначены двумя

Рис. 1. Камень с реалистическим женским
лицом.

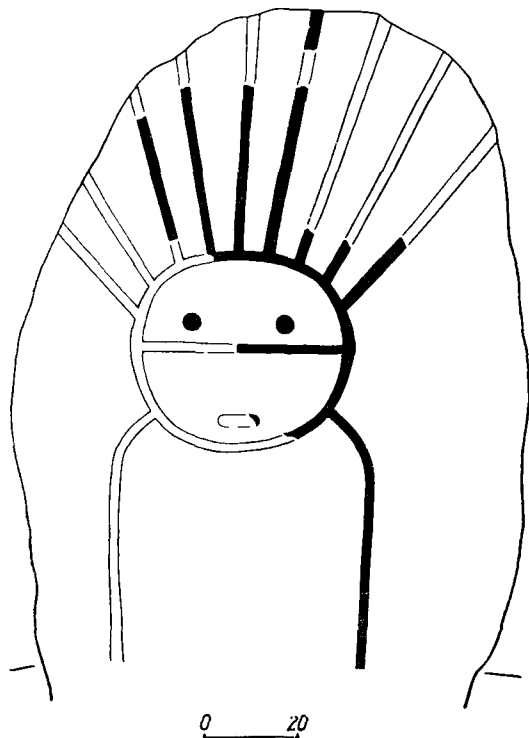
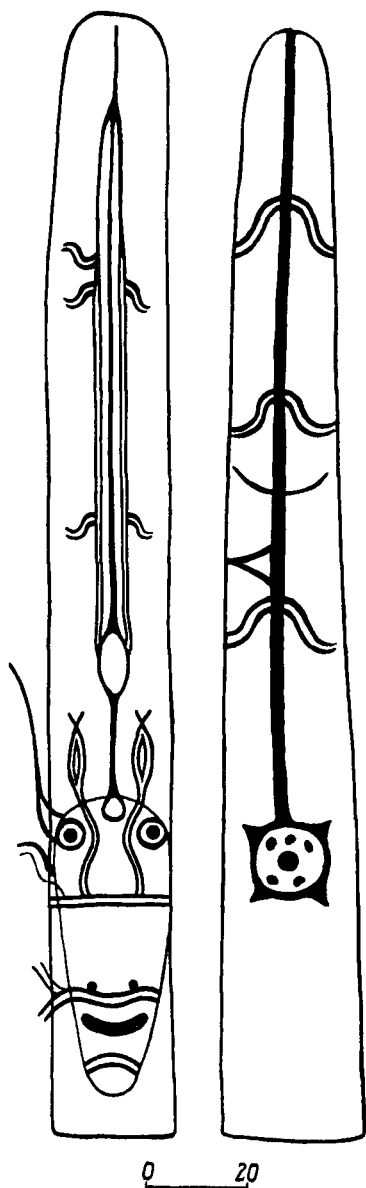

Рис. 2. Камень со схематическим лицом.

ямками, рот — овальным желобком, а нос — двумя точками, но чаще вообще не изображается; на лице всегда одна поперечная полоса. Головного убора нет, но иногда от головы вверх расходятся «лучи» (рис. 2, табл. 5).

Чаще на стелах высечены сложные схемы — личины. Они трехглазые, с полосами, пересекающими лоб, нос и подбородок. У них всегда на голове сложный головной убор: «корона» либо звериные рога и уши и длинная, поднимающаяся вверх от лба вертикальная лента. Причудливый звероподобный головной убор, третий глаз и полосы придают этим «божествам» фантастический вид (рис. 3, табл. 6—7).

Помимо человеческих лиц, на стелах встречаются изображения хищников и баранов. Хищники изображены с раскрытой пастью, высунутым языком и торчащими острыми клыками. Две стелы заканчиваются скульптурной головой барана или архара с круто загнутыми рогами.

Рис. 3. Камень с трехглазой фантастической личиной.

Каменные идолы — объект почитания

Можно представить, какое впечатление эти фантастические раскрашенные лица-маски производили в далекой древности на своих создателей, ибо еще в XIX в. они, уже значительно стершиеся от непогоды и времени, вызывали одновременно страх и почитание у местных жителей. Местное население называло такие камни «бабами», «истуканами», «идолами», «старухами» и т. д. Перед такими истуканами совершалось жертвоприношение, им клали у подножия пищу, мазали рот сметаной, дегтем, кровью животных или салом. Вокруг них плясали и пели при различных обрядах. Однако очевидцы отмечают, что если «каменная баба» не помогала на охоте, не исцеляла болезней или не оправдывала других надежд, на нее смотрели с упреком, плевали в ее сторону и даже стегали плеткой.

Особенно почитались изваяния, напоминающие человеческую фигуру, например Куртуяк-таш, что означает старуха-камень, с реалистическим, грубо выбитым лицом, выпуклым животом и грудями (табл. 8). У подобных безжизненных камней бездетные женщины молили о детях. Неоднократно наблюдали путешественники, как обитатели степей с поклоном подходили к Куртуяк-таш, «обливали ее молоком или айраном, а выпуклое, грубо изваянное лицо с большим ртом обмазывали салом или сметаной с таким усердием, что рот ненасытной старухи почернел от толстого слоя разных веществ». Об этом камне из поколения в поколение передавались легенды. По одной из них, когда-то каменная старуха со своим мужем, таким же каменным «болваном», жила по ту сторону Саянского хребта. Долго жили они в мире и согласии. Вдруг старики поссорились, и старуха, взяв с собой сына и дочь, отправилась с ними к р. Абакану, а старик остался на месте. Согласно другому преданию, Куртуяк была некогда знатной матроной, богом обращенной в холодный гранит. Окаменевшие матроны, героини, богатыри — так поэтически толковали их сибиряки вплоть до нашего времени. Благодаря почитанию местных жителей каменные изваяния Сибири сохранились до сих пор, хотя ходившие в народе поверья об этих идолах лишь затемняли их истинное происхождение.

Изваяния — предмет научного изучения

Необычный вид камней (в виде сабли или сигары), легенды, окружающие их необычайным величием, обращали на себя внимание всех исследователей южной Сибири. Описание их дается еще в трудах исследователей XVIII в.: Д. Г. Мессершмидта, Ф.-И. Страленберга, П. С. Палласа, И. Г. Гмелина и других. Этим путешественникам было известно всего около десятка подобных изваяний, причем только близ проезжих дорог и в условиях сибирского бездорожья, зимних выюг, продвижения на лошадях доступных осмотру. Однако начало исследованию этих памятников, их анализу, а также попытке определить древность и назначение было положено на сто лет позже, в конце XIX в., в чем большую роль сыграл возникший в 1875 г. в Минусинске краеведческий музей. Минусинску, тихому маленькому городу, было суждено стать в глухой Сибири очагом просвещения, центром изучения края, благодаря своему музею, прославившемуся далеко за пределами Сибири и известному даже за границей. И это не удивительно, так как в минусинских степях много исторических памятников и в то же время здесь, в краю длительных и постоянных ссылок, были исследователи из числа сосланных сюда интеллигентов. Оторванные от революционных центров, они отдавали свои знания и силы науке и просвещению народа. Работа народовольцев, в частности Д. А. Клеменца, в Минусинском музее явилась естественным продолжением их хождения в народ, так как музей был «лучом света в темном царстве», «явлением светлым, общественным». Собирая коллекции сибирских древностей, музей не мог не интересоваться этими монументальными памятниками искусства. Изваяния разыскивали, зарисовывали и фотографировали. Самые интересные свозили в специально построенный при музее павильон (рис. 4—5, табл. 9—13). Но сбором рисунков, фотографий, вывозом каменных «баб» с полей фактически ограничилась деятельность энтузиастов Минусинского музея. Попытки определить их древность и назначение оказались неудачными, и виной тому — слишком малое археологическое исследование Сибири до революции. Вот что об этом писал знаменитый

географ Карл Риттер: «К сожалению, однако в то время как и в других странах и при морских путешествиях в отдаленных морях каждая малейшая скала как новое открытие определяется астрономически и вносится в сокровищницу науки как приобретение для будущих веков, здесь, посреди азиатского материка, в странах, превосходящих величиною европейские королевства, погибают важнейшие открытия, увеличивая тем самым неведение о происшедшем и умножая трудности и заблуждения в будущем».

Пришла революция. Началось освоение сибирских земель. Строительство дорог, поселков и электростанций стало сочетаться с археологическими разведками и раскопками, что позволило разделить сибирские курганы по разным эпохам.

До этого считалось, что, поскольку большинство изваяний стоит на курганах, они являются надмогильными камнями того же времени, что и могилы. Но тут выявилось неожиданное: оказалось, что стелы с человеческими лицами стоят на курганах разного времени. Впервые возникло сомнение: а надмогильные ли эти каменные истуканы или, может быть, к самим курганам отношения не имеют? Проверить это взялись тогда совсем молодые археологи М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Исколесив степи в поисках стел, уже известных и неизвестных, зарисовывая и отмечая, где и как они стоят, исследователи обнаружили, что одинаковые изваяния встречаются одиноко в степи и на курганах бронзовой и железной эпох. Причем они никогда не занимают определенного положения в ограде, лицом обращены в разные стороны и даже порой поставлены вверх ногами, изображением в землю. Они явно не почитались строителями курганов, использованы вторично, как подходящие для оград камни, и, следовательно, сами относятся к еще более древнему периоду. Если самые ранние курганы с каменными изваяниями датируются VII—V вв. до н. э., значит, сами камни, как более древние, относятся к предыдущему периоду — к так называемой карасукской культуре XII—VIII вв. до н. э. и являются памятниками культа, изображениями каких-то «божеств». К такому выводу пришли археологи.

Происхождение енисейских идолов начало проясняться. Однако в археологии каждый новый шаг совершается медленно, так как в поле деятельности ученого оказы-

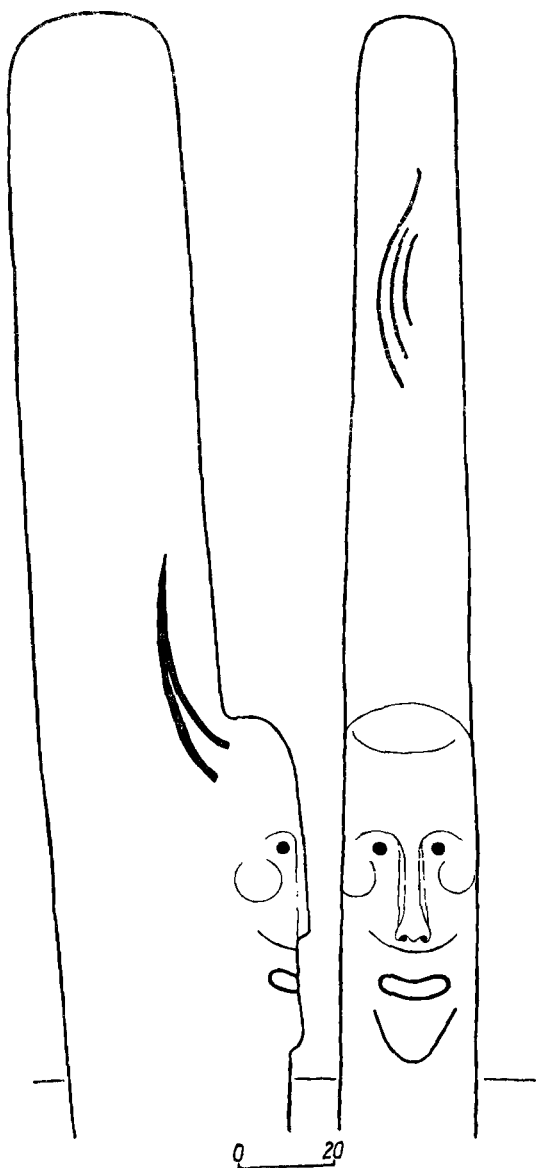

Рис. 4. Стела Минусинского музея.

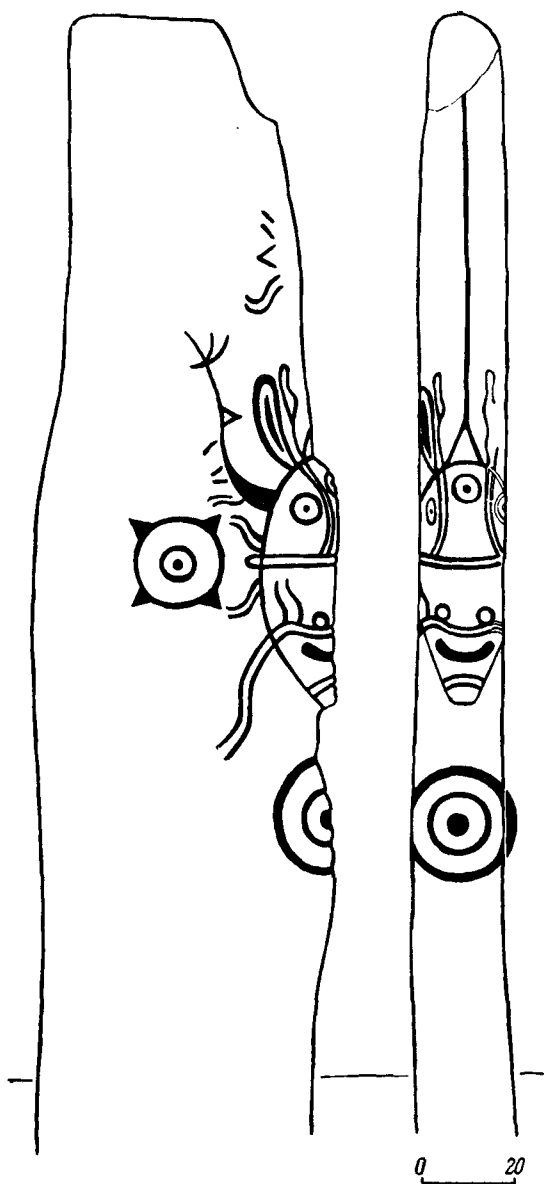

Рис. 5. Стела Минусинского музея.

Рис. 6. Костяная пластинка
из г. Абакана.

вается лишь незначительная доля хранящегося под землей материала и зачастую эта неполнота раскопок приводит к неправильным выводам, мешающим воскресить историю. Так произошло и с древними изваяниями Енисея. В течение 20 лет время их возникновения считалось установленным. Спор шел лишь о том, кого они изображают: богов или людей, или среди них есть и те и другие. Но новые открытия вновь всколыхнули дискуссию об их возрасте.

В 1945 г. в г. Абакане при раскопках могильника начала II тысячелетия до н. э. под руководством В. П. Левашовой были найдены две костяные пластинки с выгравированными на них женскими лицами. Лицо одной из них поразительно похоже на то, что высечено на плите, хранящейся в Минусинском музее

(рис. 6). Плита первоначально стояла на одном из курганов близ с. Усть-Есь и привезена в Минусинский музей еще ссыльным Д. А. Клеменцем (табл. 2). Оба изображения имеют одинаковые овалы лица, прямые носы, выступающие скулы, длинные волосы, спадающие на плечи. Слишком значительное сходство между ними убеждает, что они выполнены мастерами одной исторической эпохи. Но костяные пластинки датируются всем могильным комплексом XIX—XVIII, а не XIII—XII вв. до н. э. Очевидно, и те, кто высекал реалистические скульптурные лица на стелах, жили в более отдаленное время, чем предполагалось, а именно в начале II тысячелетия до н. э.

В то же время большинство личиц на камнях, стоящих в степи, далеко от реалистического изображения человека: они либо слишком упрощены, либо, наоборот, слишком

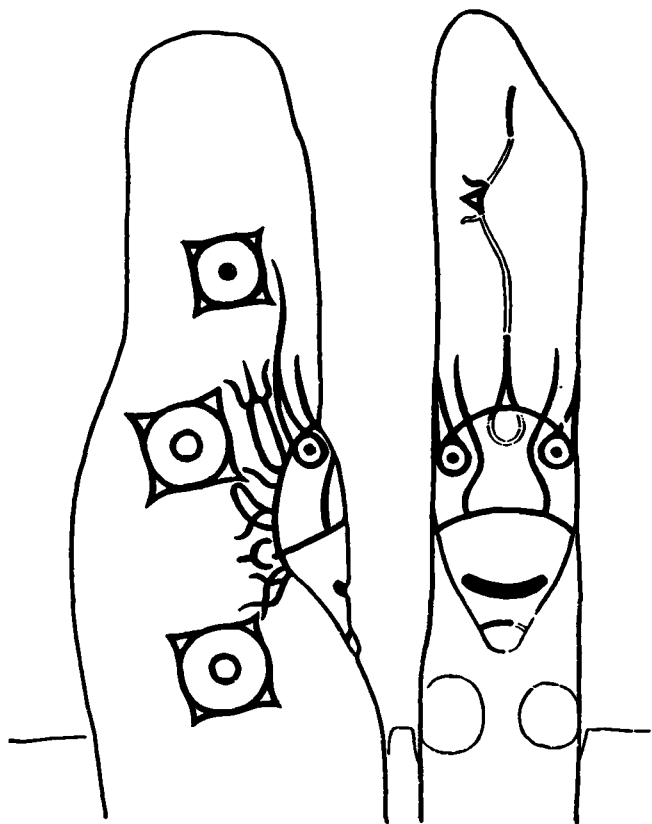

Рис. 7. Камень с фантастической личиной.

осложнены лишним глазом, бычьими рогами и лицевыми полосами (рис. 7—11). Кажется непонятным, как мастера, умевшие высекать на массивных глыбах или вырезать на костяных пластинах человеческие головы настолько реалистично, что даже передавали определенный антропологический тип населения (с длинным носом, раскосыми глазами, выступающими скулами), на других плитах изображали человеческое лицо так примитивно: точки — глаза, желобок — рот, носа нет совсем. А между тем столь разные изображения иногда встречаются на одном и том же камне. Почему оказались они вместе?

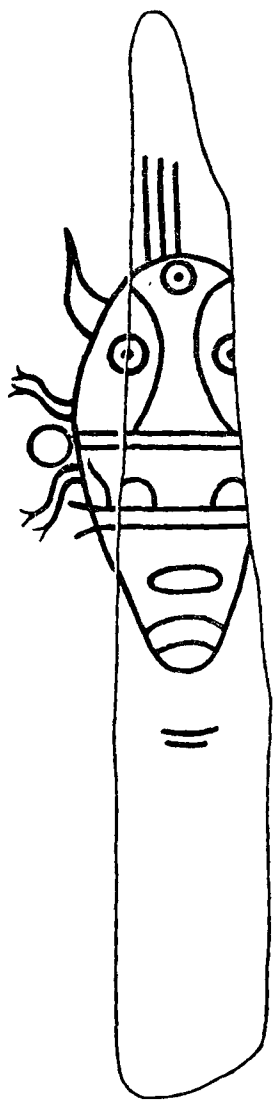

Рис. 8. Камень, стоя-
щий в степи на р.
Уйбат.

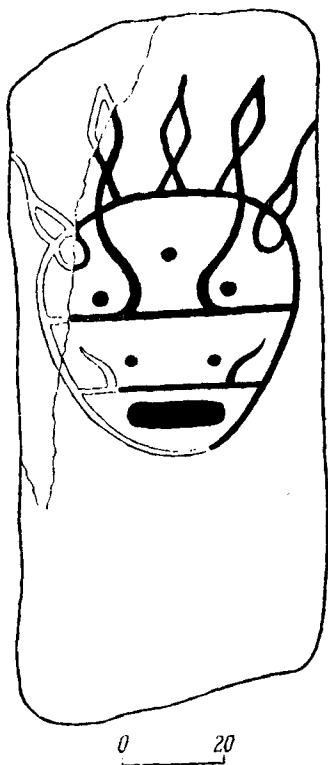

Рис. 9. Камень у станции
Фарпус.

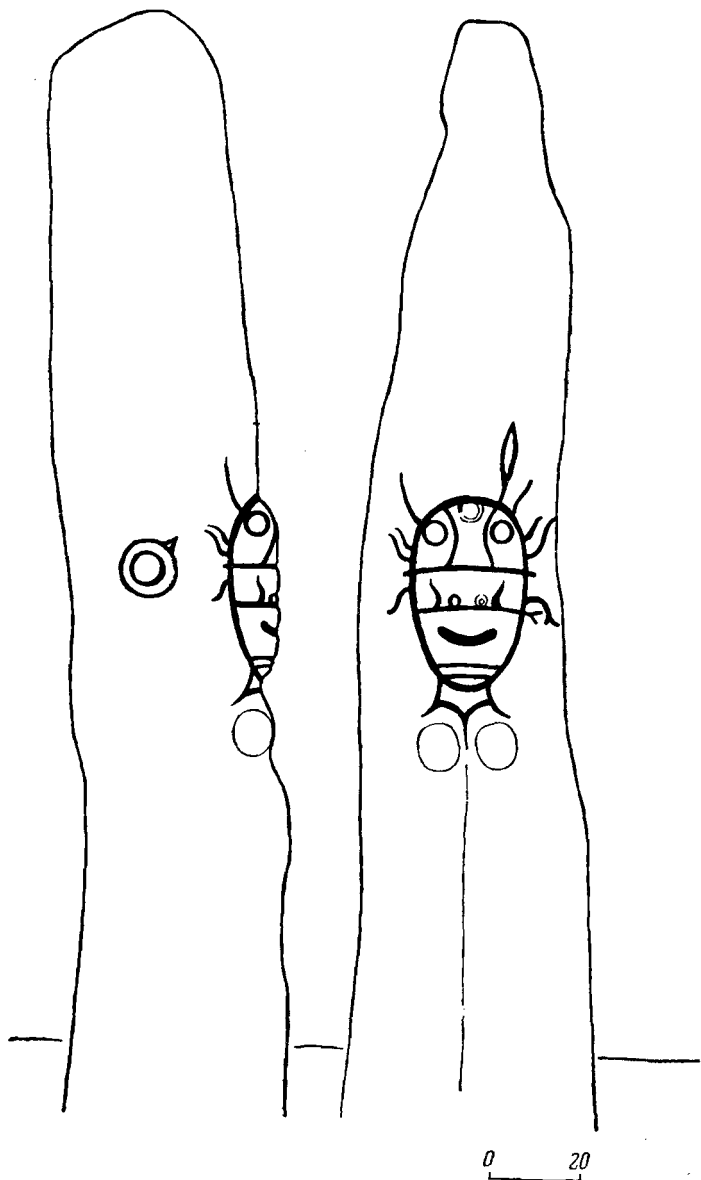

Рис. 10. Камень в степи у р. Уйбат.

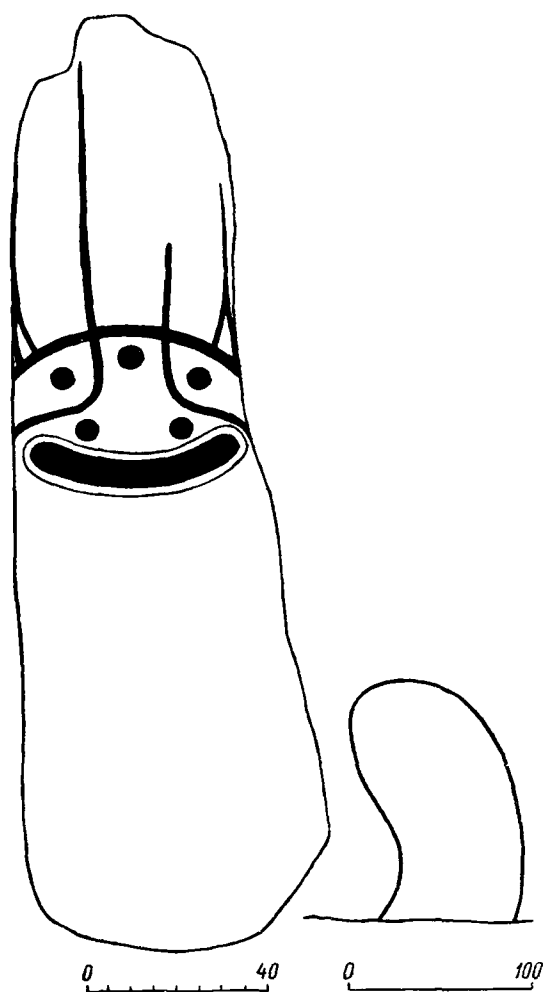

Рис. 11. Трехглазый идол с огромным ртом.

Новые рисунки возникли рядом со старыми? Тогда, какие из них более древние? В ходе дискуссии исследователи разделились на две группы: большинство из них считало, что разные изображения высекались различными сибирскими народами, т. е. и теми, которые жили при самом появлении металлических предметов, и теми, кто жил в эпоху развитой бронзы вплоть до железного века. Другие относили все личины (от самых примитивных до самых сложных) к одному периоду — II тысячелетию до н. э. Спор имел большое значение.

В частности, на стелах встречаются изображения быков и баранов. Очевидно, люди, соорудившие их, имели развитое скотоводство и поклонялись барану. Но самое главное в том, что каменные изваяния отражают идеологические представления своих создателей и определить их время — значит найти ключ к мировоззрению конкретных людей конкретной эпохи. Без определения же возраста эти истуканы при всей своей оригинальности и красочности мертвы и неполноценны как исторический источник. Они интересны лишь как произведения древнего искусства.

Дискуссия обострилась, когда в 1957 г. сибирский археолог А. Н. Липский при раскопках могильника Тас-Хаза («Каменного двора») близ улуса Чаптыкова нашел плиты с человеческими лицами. Могильник того же времени, что в г. Абакане, где найдены костяные пластинки. Однако лица не реалистические, а очень схематичные. Новые находки привлекли внимание, о них писали в газете «Советская Хакасия», в журнале «Советский Союз», в польском журнале «Дружба». Это были первые плиты с человеческими изображениями, найденные в столь древних могилах. Но и они не установили возраст древних идолов, так как были использованы в перекрытии могильных ям, т. е. древнее могил, которые перекрывали. Некоторые ученые даже допускали мысль, что возникновение подобных примитивных схем-личин уходит в глубь меднокаменного и каменного веков. Нужны были новые и более сохранившиеся захоронения с предметами древнего искусства, чтобы узнать, как велика древность каменных енисейских «божеств».

А между тем раскопок на Енисее в последние годы проводилось много. Здесь завершается строительство

Красноярской ГЭС и сотни древних кладбищ скоро окажутся на дне будущего моря. Поэтому в районе затопления работает большая Красноярская археологическая экспедиция под руководством М. П. Грязнова. Археологи прилагают максимум усилий, чтобы спасти для науки как можно больше исторических памятников.

Удача пришла неожиданно. В 1963—1964 гг. на левом берегу Енисея, в долине высохшей речки Черновой, Г. А. Максименковым был раскопан могильник, осветивший происхождение каменных богов древнего Енисея. В этой долине, ничем не примечательной для постороннего взгляда и много говорившей следопыту прошлого, в тесном соседстве расположены кладбища разного времени. И среди них — низкие оградки четырехтысячелетней давности. Люди хоронили умерших в каменных ящиках-гробах (на спине, с поднятыми вверх коленями) и щедро по тем временам снабжали их пищей в глиняной посуде, одеждой и украшениями: бронзовыми кольцами, пастовыми бусами, бисером. Именно в этих могилах оказались предметы оригинального искусства тех далеких обитателей хакасско-енисейских степей. Какие же это предметы?

С XIX в. в Национальном музее в г. Хельсинки хранится миниатюрная стеатитовая фигурка. Она имеет вид столбика, на одном конце которого вырезана круглая скульптурная головка, с длинными волосами и серьгами в ушах. Фигурку привез из Южной Сибири финский ученый И. Р. Аспелин в 1887 г. Она была найдена случайно, вне какого-либо археологического комплекса, что делало ее безымянной, без времени и культурной принадлежности. Спустя 70 лет, в 1958 г. у горы Сторожевой, на севере Хакасии, также случайно школьники нашли вторую такую же фигурку. Чьи искусные руки вырезали из камня эти изящные женские головки? Как давно они сделаны? Теперь загадка разрешилась. В гробы с умершими на р. Черновой вместе с посудой и украшениями было положено 8 аналогичных фигурок, все они маленькие, размером от 17 до 50 мм (рис. 12, табл. 14—15). Значит, 4000 лет отделяет нас от создателей этих высокохудожественных миниатюрных скульптурок, свидетельствующих о реализме столь древнего искусства. Встречены в могильнике и плоские изображения женских голов. Их выгравировали на залощенных костяных пластинках (рис. 13, табл. 16). Всего при погребенных найдено 14 костяных

Рис. 12. Каменная фигурка
из могильника
на р. Черновой.

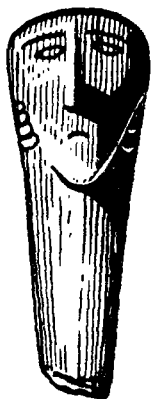

Рис. 13. Костяная пластина
из могилы
на р. Черновой.

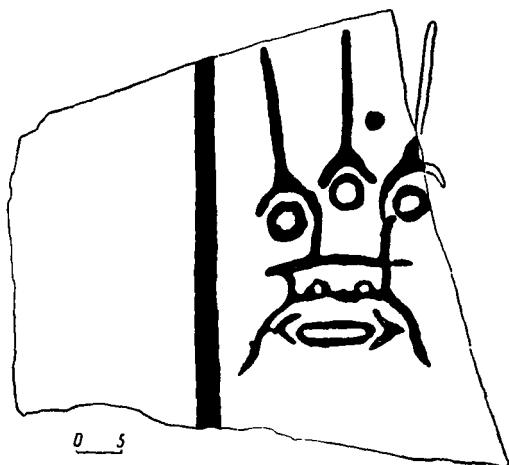

Рис. 14 - 16. Плиты с изображениями, использованные для строительства ящиков-гробов на р. Черновой.

и каменных фигурок, что указывает на их достаточно широкое распространение.

Замечательной удачей было открытие при раскопках этого кладбища фантастических изображений человеческих лиц, глубокая древность которых некоторыми учеными оспаривалась. Со стенок и крышек ящиков-гробов смотрели на археологов трехглазые боги в странных головных уборах, похожих на «короны», выбитые глубокими широкими желобками, местами сохранившие следы красной охры (рис. 14—16). Одно божество в трехзубчатой короне, словно что-то охраняя, держит в обеих руках по копью (рис. 17, табл. 17). Нахождение в одних и тех же могилах фантастических трехглазых и реалистических лиц, казалось бы, уже теперь доказало их одновременность и установило возраст. Установило..., но не совсем. Дело в том, что плиты с изображениями и на этот раз все обломаны, лежали беспорядочно, изображением на внешней и на внутренней стороне ящика. Значит, и здесь они использованы уже вторично, вместо материала, подходящего для сооружения ящиков, подобно тому как много веков позже их потомки свозили массивные монолиты

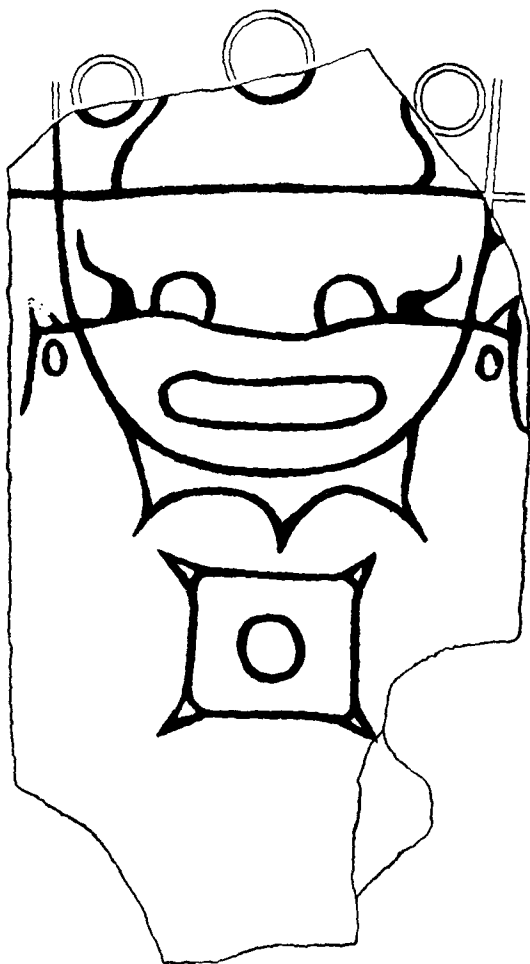

Рис. 15.

с такими же лицами для могильных оград. И здесь, в долине р. Черновой, боги были высечены на плитах раньше, чем попали в могилы. Но когда же? Опять их возраст неизвестен.

И вновь, в третий раз, перед исследователями встает все тот же вопрос, кто же создавал каменные трехглазые

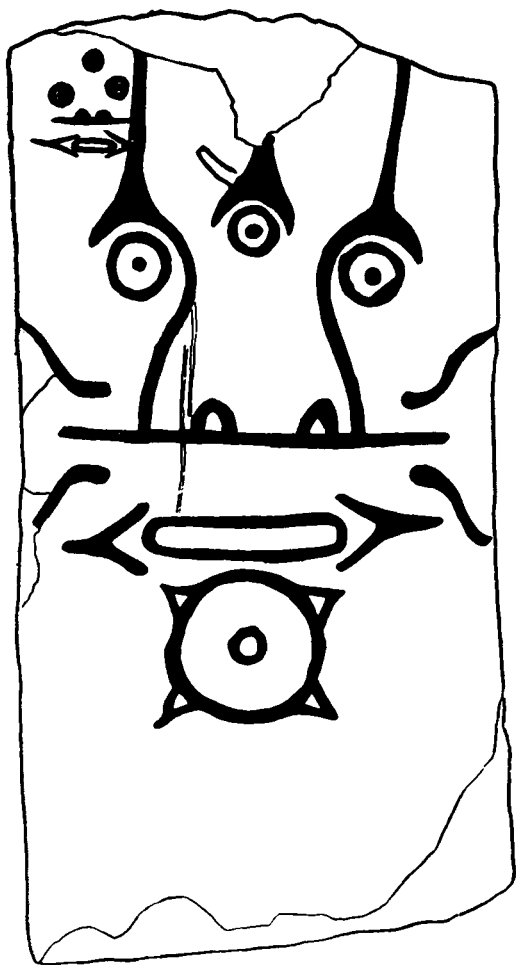

Рис. 16.

божества, — вопрос, по-прежнему стоящий на пути к разгадке назначения богов и верований человека той далекой эпохи.

На плитах ящиков-гробов этого кладбища изображены не только трехглазые божества, но также быки, бизоны, волки и птицы, очень реалистично переданные тонкими

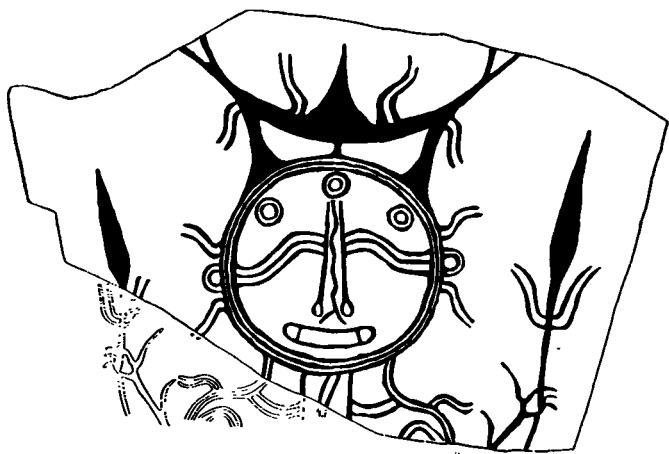

Рис. 17. «Божество» с копытами.

резными линиями. А на одной из плит высечен огромный полосатый зверь с оскаленной пастью, массивным туловищем, но на «птичьих ногах». Зверь явно фантастичен, так как сочетает в себе черты тигра, волка, кабана и птицы. Может быть, это тоже божество? Перед нами еще одна загадка мироощущения древнего художника (табл. 18).

Как выйти из этого лабиринта, приводящего вновь и вновь к одному и тому же вопросу о времени создания загадочных богов древнего Енисея?

На путях раскрытия тайны изваяний

Итак, в результате находок последних лет стали известны изображения человеческих лиц не только на стелах в степи, но и на плитах в могилах начала бронзовой эпохи. Причем встреченные в могилах изображения такие же, как на стелах, т. е. реалистические и нереалистические. Но только миниатюрные реалистические изображения, стеатитовые фигурки и костяные пластинки найдены в са-

мих погребальных комплексах, т. е. непосредственно с умершими. Их возраст синхронен самим погребениям. Нереалистические же личины обнаружены на плитах вторичного использования, следовательно, их точный возраст не устанавливается. Поэтому первая задача, стоявшая перед исследователями, была выяснить, имеют ли различные группы личин что-либо общее и являются ли они памятниками одной эпохи или могут принадлежать к разным.

Вновь перерыты все фотографии и рисунки в архивах, художниками перерисованы хранящиеся в музеях камни, как те, что изданы, так и новые. Находки неизвестных «баб» в степях увеличили их коллекцию. Стало известно свыше 100 изваяний, не считая плохо сохранившихся. И это, конечно, не все каменные боги, ждущие в степях археологов (табл. 19—20).

Выяснилось, что, хотя три группы антропоморфных изображений достаточно четко выделяются, они не изолированы друг от друга. Их связывает единая техника высекания, одинаковая трактовка деталей лица, вся манера изображения. Кроме того, встречаются изображения, объединяющие черты разных групп. Например, реалистическое лицо имеет полосы или третий глаз, т. е. признаки сложной фантастической группы (рис. 18). Есть единичные примеры других сочетаний: реалистическое лицо и «корона», признак фантастической группы; схематично изображенное лицо, но не с одной чертой, а с дополнительной на подбородке и т. п.

Все это заставляет во всех трех группах изображений видеть звенья одного искусства, творение мастеров одной и той же исторической эпохи.

Подтверждают это стелы, сочетающие несколько разных изображений. Две из них хранятся во дворике Абаканского музея. Больше 40 стел стоит там, образуя аллею из каменных идолов. Они свезены сюда археологом А. Н. Липским, уже упоминавшимся в связи с раскопками могильника Тас-Хаза. Это самое большое в стране собрание подобных памятников, даже в Эрмитаже их значительно меньше. Галерея А. Н. Липского является гордостью советской науки, так как по своим художественным качествам и глубокой древности сибирские изваяния превосходят всемирно известные с о. Пасхи и старше последних на 2000 лет. Этому уникальному собранию сибирских идолов мы обязаны страстной и неутомимой увлеченности

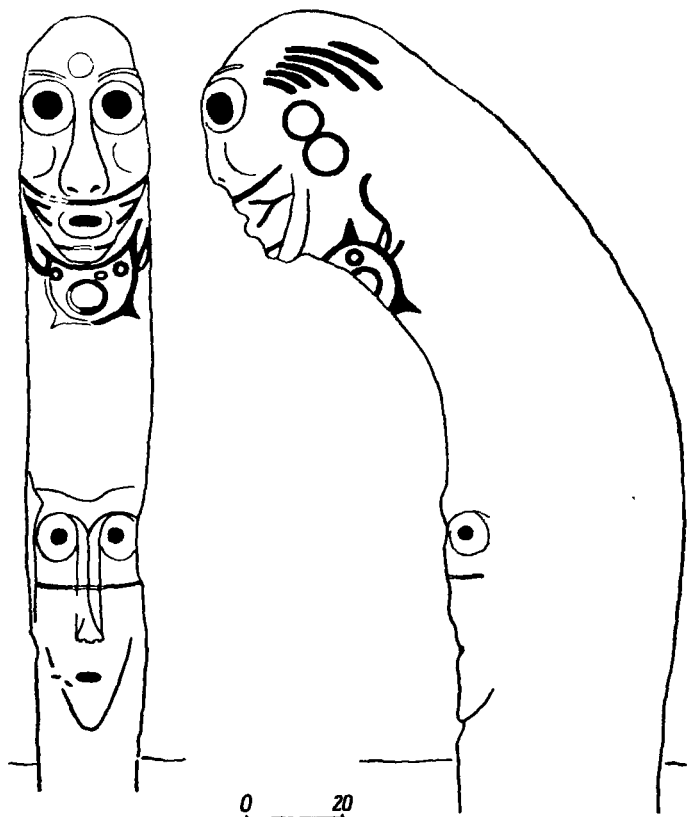
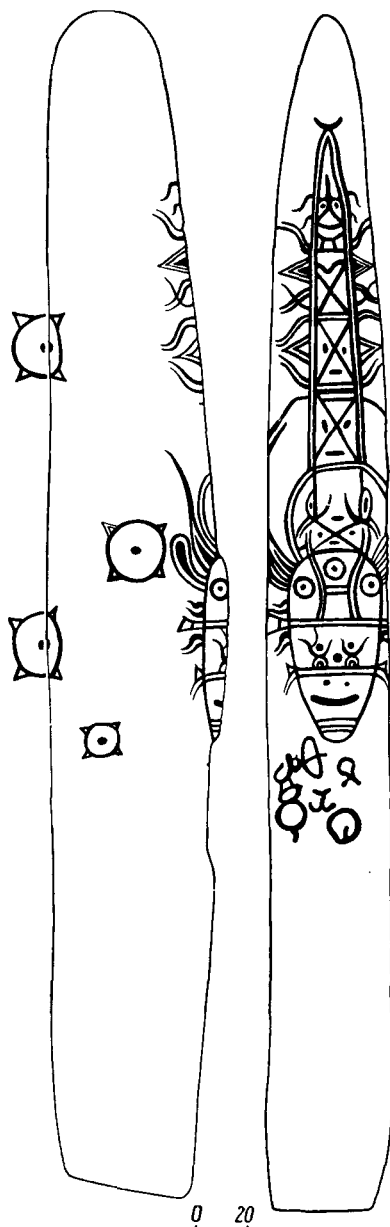

Рис. 18. Каменная баба с серьгами.

А. Н. Липского, археолога-этнографа, всю свою энергию отдавшего изучению истории Хакасии.

Особенно красивая стела привезена с оз. Шир. Она из красного песчаника, размером $230 \times 70 \times 30$ см. На пей высечен массивный человеческий бюст с согнутыми в локтях руками, выступающим животом, с оскаленной пастью хищника. На голове бычьи рога и уши, на лбу — третий глаз в форме солнечного знака; глубокие полосы пересекают нос и подбородок. Помимо этого человека-зверя, на стеле вверху высечены еще два лица: одно реалистическое, рельефное, другое очень стилизованное, пло-

ское, с тремя глазами и полосами. Все три изображения, принадлежащие к разным группам, обрамлены широкой полосой, окаймленной треугольниками, и образуют единую композицию, что полностью исключает их неодновременность (табл. 21).

Вторая стела привезена из окрестностей улуса Полганова. На ней сверху есть изображение простое, схематическое, а ниже — сложное, фантастическое, со звериными ушами и рогами.

Стела в форме лодки из белого гранита (длиной 4 м) лежит в степи недалеко от р. Белый Юс. В народе она зовется «девицей-лодкой» или «камень-лодкой». На ней высечена большая фантастическая личина с тремя глазами, многочисленными лицевыми полосами и звериными рогами и ушами. От нее вверх вдоль всей стелы идет широкая полоса с заключенными в ней пятью изображениями: глаза — точки и рот — желобок. Следовательно, и на этой стеле сочетаются, образуя цельную композицию примитивные схематичные лица и сложное, фантастическое лицо (рис. 19).

Рис. 19. «Девушка-лодка» или «камень-лодка» на р. Белый Юс.

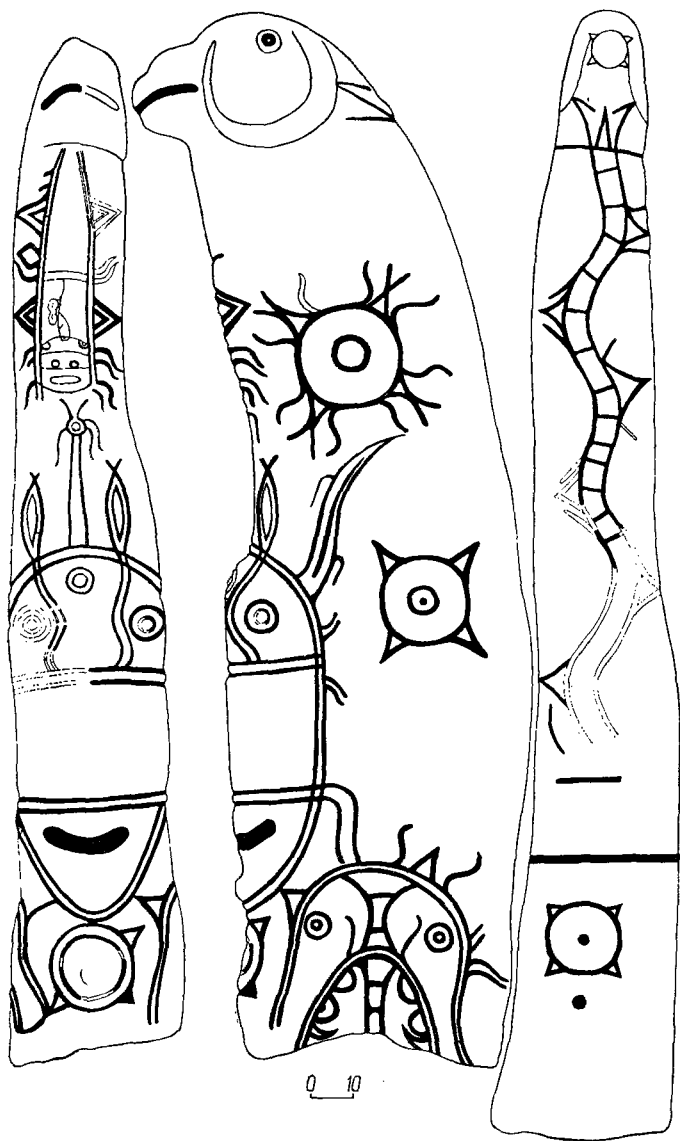

Рис. 20. Каменный идол, высокая шапка которого заканчивается головой барана.

Таким образом, на трех описанных стелах, найденных в разных участках хакасско-минусинских степей, есть несколько различных изображений, причем при единой их композиции и компоновке. Это не может быть случайным. Бесспорно, все изображения на них высекались не только в одну и ту же историческую эпоху, но и одновременно.

В Абаканском и Минусинском музеях хранятся две стелы с высеченными сверху скульптурными головами баранов. Одна из них привезена с р. Бири, другая — с р. Верхняя Биджа. Помимо бараньих голов, на обоих камнях есть антропоморфные личины. На стеле с р. Бири морда барана соединена с личиной такой же орнаментальной полосой, как на описанных выше трех стелах (рис. 20). Два изображения стелы с р. Верхняя Биджа не соединены друг с другом. Однако морду барана пересекает широкая поперечная полоса, как на личинах, а на макушке барана выбит точно такой же солярный знак, какой есть под антропоморфным изображением этой же стелы. Значит, и на этих монументах зооморфные и антропоморфные изображения высечены одновременно (табл. 22).

Как велика древность идолов

Начиная распутываться клубок загадок. Стало известно, что не постепенно, на протяжении всей истории древних племен Енисея, создавались каменные идолы, а восходят они к одной исторической эпохе. В какую же конкретную эпоху жили их ваятели, помогает выяснить то кладбище на берегу Енисея, которое сохранило до нас памятники изобразительного искусства. Ведь именно к тому времени, когда высекались трехглазые божества в коронах, сохранившиеся на плитах могил долины р. Черновой, относятся и все идолы древнего Енисея. Но, как говорилось, плиты с изображениями в могилах использованы вторично. Это значит, что изображения на них высекались не специально, чтобы сопровождать покойника в могилу. В противном случае стелы не были бы обломаны и поставлены в могилах как попало, а обломки с изображениями одного и того же «божества» не ока-

зались бы в разных могилах. Плиты безусловно изготовлялись до сооружения могил и первоначально служили иным целям. Тогда ясно, что они древнее самих могил, где найдены. Но насколько древнее? Если на несколько столетий, то их возникновение надо связывать с людьми другой, предыдущей эпохи, или, выражаясь научным языком, с другой археологической культурой. Однако они могут быть древнее как на 100 лет, так и на 10 и даже на 1 год. В таком случае их создавали те же люди, кто строил кладбища, ровесники погребенных или их ближайшие предки. Кого же с большим основанием можно считать творцами трехглазых идолов?

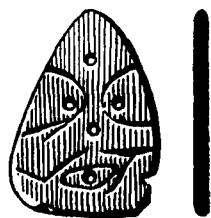

Рис. 21. Каменная подвеска из могильника.

Пожалуй, легче представить себе, что в начале II тысячелетия какие-то новые племена, проникнув при своих вечных поисках удобных пастбищ в долину р. Черновой, вытеснили живших там людей, разгромили их чуждое завоевателям капище и, сооружая могилы, брали плиты с ненужного теперь безмолвного святилища. Но правильно ли такое предположение? Этому есть серьезные возражения.

В более древних кладбищах, кладбищах III тысячелетия, так называемой афанасьевской культуры, к которой принадлежат и прежние жители долины р. Черновой, неизвестны какие-либо предметы изобразительного искусства, будь то изображения людей, птиц или животных. Поэтому трудно считать афанасьевцев искусными скульпторами.

Между тем почти все кладбища последующей эпохи, так называемой окуневской, к которой принадлежит и рассматриваемый могильник, содержат графические либо скульптурные изображения животных и людей. Но не это доказывает, что и те, кто высекал стелы, и те, кто использовал их в могилах, жили в одну и ту же археологическую пору. Это доказывают вещи, положенные непосредственно с умершими. К ним прежде всего относятся уже упоминавшиеся костяные и стеатитовые фигурки с изображением таких же вполне реалистических человеческих лиц, какие встречаются на стелах. Фигурки бесспорно окуневские. Значит, и идентичные им реалистические лица на стелах

должны быть окуневскими. Фигурки не единственные антропоморфные изображения, найденные в самих окуневских могилах. Вместе с ними обнаружена каменная подвеска с нереалистической личиной: изображены три глаза, ноздря, рот, полосы. По краям рта прочерчены уголки (рис. 21). Такие же уголки у рта изображены на лицах некоторых фантастических идолов, в частности на плитах самого могильника. Стилистическое сходство между этими изображениями несомненно. Следовательно, плиты в могиле датируются, как и каменная пластинка, временем могильника.

Значит, между высеканием из камня «идолов» и их использованием в могилах прошло сравнительно немного времени. Об этом свидетельствует и сама сохранность плит. Они тонкие, хрупкие, легко бьются, без следов значительной выветренности. Они явно относительно недолго стояли под открытым небом, прежде чем попали в могилы.

Как плиты с «божествами» попали в могилы

Не могли ли первобытные люди использовать при сооружении могил изображения, явно что-то значащие в их культе? Не противоречит ли это их верованиям? Известно ли подобное в этнографии и археологии?

В том, что все окуневские «божества» в могилах повреждены или обломаны, нет ничего необычного. Этнографией зафиксированы многие примеры кратковременного использования самых различных магических изображений и идолов. Когда охотник или скотовод высекал какое-либо священное изображение, он ждал от него помощи и оберегал его. Если же изображение разбивалось, оно не было нужно, а иногда, когда оно не помогало, его разбивал в сердцах сам «хозяин». Например, еще в XVIII—XIX вв. ханты на Оби в случае неудачи разрубали свои божества на мелкие кусочки, ненцы колотили их, ругали и разбрасывали. Кеты на Енисее стегали своих божков и бросали в огонь, да и многие другие сибирские народы, если идолы

не исполняли своих «обязанностей», их уничтожали, били, топтали, сжигали. Бывало и так, что «божество» принадлежало не роду, а индивидуальному человеку, и в случае смерти хозяина его священный камень специально разбивали, чтобы выпустить из него божественную силу, ибо она могла причинять вред оставшимся в живых. Так, ненцы Томской губернии после смерти владельца его идола считали мертвым богом и бросали в реку, то же делали панайцы, предварительно разломав идола. Буряты верили, что после смерти хозяина «божества», принадлежавшие ему, будут вредить оставшемуся потомству, и поэтому их сжигали. Но и разбитые священные предметы чаще не выбрасывались, а уносились подальше в лес, в горы и там припрятывались. Например, на Руси существовал обычай не выбрасывать старые иконы, а сплавлять их по реке. А хапты на р. Салыме старые священные изображения хоронили в земле, под деревом. Можно привести примеры, когда их захоранивали, причем вторично используя, непосредственно в могилы. Ханты, когда умирал человек, делали его деревянное изображение, приносили ему жертвы, а через три года изображение зарывали в землю, предполагая, что тело сгнило, а вместе с тем кончилось и его бессмертие. Наши плиты с личинами, помимо указанных причин, могли естественно разбиваться, так как они тонкие и хрупкие.

В факте вторичного использования камней со священными изображениями самими идолопоклонниками тоже нет ничего необычного. Известны случаи, когда рисунки, связанные с определенными обрядами, по завершению обряда стирались, а наносились новые. На плите из нашего могильника с фантастическим зверем имеются три глаза — остатки от личины. Следовательно, обломанная плита с личиной была вторично использована для нового изображения, археологически синхронного предыдущему. Из разбитого камня душа заключенного в него божества, духа или умершего, по представлению многих отсталых народов, уходила, камень становился мертвым, самым обычным, пригодным для различных нужд, в частности мог быть пригодным и для погребального склепа. Любопытно, что почти все изображения речки Черновой затерты тоненькими, еле различимыми штрихами, словно ими пытались затирать ту магическую силу, которая могла еще таиться в этих плитах.

Факт вторичного использования антропоморфных изваяний не нов и в археологии. В черноморских степях некоторые погребения так называемой ямной культуры, близкой по времени к окуневской, перекрыты архаическими антропоморфными стелами. Они значительно примитивней сибирских и имеют вид грубых плит с выступом для головы. Кроме того, иногда изображены широкие плечи, руки и ямками — детали лица. Возможно, не все эти стелы относятся к одному периоду. Однако некоторые из них большинство ученых относит к ямной культуре, т. е. считают их синхронными погребениям. А между тем ряд обстоятельств позволяет видеть, что и эти «каменные бабы» ямной культуры в могилах использованы вторично. Например, у них нижняя часть плиты не обработана и иногда даже скошена наискось, т. е. рассчитана на то, чтобы плита стояла врытой в земле, а не покрывала могилу. Нет соответствия между изображением на плите и погребением в положении умершего (на плите руки вытянуты, а скелет скорченный на боку), его возрасте (на плите изображена женская грудь, а в могиле захоронен ребенок), в числе погребенных (изваяние перекрывает могилу с двумя, а не с одним скелетом), в размерах могилы (большая плита перекрывает маленькую детскую могилу).

Итак, археологические материалы свидетельствуют о том, что на определенной ступени общественного развития люди вторично использовали свои ритуальные изображения и даже при сооружении могил. Очевидно, их верованиям это не противоречило.

Что означают изображения

Постепенно срывается покров с таинственности каменных монументов. Вопрос о их возрасте решен. Теперь стало известно, что вот уже сорок веков стерегут степи древние боги Енисея, что созданы они все в Южной Сибири в ту пору, когда человек там только что научился изготавливать бронзовые орудия, а более точно — они все принадлежат племенам окуневской культуры, в начале II тысячелетия до н. э. появившимся в хакасско-минусинских степях и принесшим сюда свое оригинальное искусство.

Наступило время выяснить, кто скрывается за человекообразными личинами: боги или люди, что означает третий глаз, полоса на лице, «корона», звериные рога и уши.

Некоторые детали изображений уже стали понятными при их исследовании, а также при привлечении этнографических данных.

Уже говорилось, что большинство лиц на стелах и плитах имеет полосы на лице, а также звериные рога и уши, придающие этим изображениям фантастический, устрашающий вид. Что могут означать полосы на лицах?

По сведениям этнографов, многие народы на стадии первобытного общества раскрашивали себе лицо охрой, углем или золой как с эстетическими, так и с ритуальными целями: иногда чтобы быть красивее, иногда чтобы казаться мужественнее либо избежать, не будучи узнаваемым, мести духов убитых зверей, либо при различных обрядах, при воинственных плясках и т. д. Разные народы окрашивали либо татуировали свое лицо и тело по-разному: полосами, узорами, точками, кружками и т. п. В частности, андаманезянки и атапаские племена северных индейцев раскрашивали лица полосами и в том же порядке (поперек лба, поперек носа и под носом), как на сибирских стелах.

Были ли и здесь на Енисее полосы раскраской? Да, были, кроме этнографических параллелей, тому есть подтверждение в археологических находках. В нескольких могилах неоднократно упоминавшегося уникального могильника на р. Черновой на черепках скелетов сохранились следы красной охры. Сохранились пятно на лбу, полосы под глазами, под носом и по подбородку.

Это открытие интересно не только тем, что дает возможность понять сущность лицевых полос на каменных идолах, но и тем, что еще раз подтверждает синхронность этих изображений и самих погребенных.

Инвентарь погребений с «раскрашенными» черепами ничем не отличается от инвентаря других погребений, так что пока не ясно, раскрашивались лица всех рядовых членов племени или только привилегированных.

Итак, полосы на лице фантастических изображений означают раскраску лица. А что означают звериные рога, уши, «лучи», «корона», а также третий глаз?

Исследование изображений показало, что звериные, похожие на бычьи рога всегда сочетаются с длинными ушами и непременно с длинной вертикальной лентой различных форм, идущей вверх от лба. Такое строгое и обязательное сочетание свидетельствует, что перед нами одинаковое украшение какого-то высокого головного убора, венчающего головы большинства енисейских идолов. Стали понятны и божества в коронах, так как зубцы короны — это стилизованные изогнутые рога. Значит, «личины» в коронах ничем не отличаются от тех, что с рогами, этот признак может быть лишь территориальный, но с одинаковым значением звероподобного головного убора. «Лучи», расходящиеся от головы некоторых личин, при сопоставлении с изображениями на костяных пластинах оказались волосами. Прояснилась также тайна третьего глаза. На многих изваяниях при тщательной зарисовке обнаружено, что это, по-видимому, не глаз, а какой-то магический значок; он часто меньше размером двух других глаз, а иногда иной формы. И на «раскрашенных» черепах он сохранился в виде пятна на лбу.

Три различные группы изображений смотрят на нас с камней. Казалось бы ... различные. Что общего имеет фантастическая маска с реальным лицом? Однако при-смотримся: стоит убрать пересекающие лицо полосы и рога на голове, тогда вместо причудливой маски перед нами предстанет такое же реальное человеческое лицо.

Значит, под фантастическими полосами, третьим глазом и рогами скрываются вполне реалистические лица, но раскрашенные и одетые в звероподобные головные уборы.

Так что же скрывается за этими изображениями на плитах? Вправе ли мы называть их божествами?

Эти памятники не связаны с захоронениями, как это было доказано исследователями еще 30-х годов. Значит, они не надмогильные. Трудно видеть в них только предметы искусства или портреты. Зависимость от природы и бессилие перед ней вызывали у людей веру в сверхъестественные силы, духов, поэтому вся их жизнь заполнялась магическими обрядами, заклинаниями, ритуальными плясками, сопутствующими всякому промыслу, производству либо празднику. И если люди высекали изображения животного или человека, то для того, чтобы извлечь из них конкретную пользу: вылечить от болезней, обеспечить удачу на охоте, уберечь скот и т. д.

В наших материалах есть доказательства практического применения художественных изображений. У стеатитовых фигурок и костяных пластинок с женскими лицами, найденных в могилах, только верхний конец заложен, нижняя же часть не имеет затертости, по-видимому, она была скрыта под одеждой и только головка торчала наружу. Такие фигурки могли использоваться в качестве куколок-божков.

Подобные куколки-божки известны по археологическим раскопкам в других местах. Они встречены в Восточном Казахстане и на Оби. Только вместо стеатитовых головок и костяных пластинок там использованы лошадиные бабки, на одном конце которых просверлены отверстия, куда вставлялись бусы-глазки, а по бокам — сквозные отверстия для продевания серег. Куколки-божки широко известны в этнографии. Из деревянных брусков или из набитых травой либо паклей мешочков их делали телеуты, шорцы, кумандинцы Северного Алтая. Это женские духи-покровители, передающиеся по наследству от матери к дочерям. Известны костяные статуэтки у американских эскимосов, служившие одновременно детям для игры и используемые с магическими целями. Наши костяные пластинки и стеатитовые фигурки также встречены исключительно в могилах с женщинами или детьми. В этом отношении интересно, что и каменные изваяния Енисея изображают женщин, поскольку часто на стелах под лицом выпуклостями обозначены груди и живот. Мы, таким образом, можем сделать общий вывод, что подобно стеатитовым фигуркам изваяния человеческих лиц в Минусинской котловине следует рассматривать как памятники культа, божества, которых боялись, задабривали, покровительством которых хотели заручиться.

Женскими божествами не ограничивался пантеон древних енисейцев. Кроме богов антропоморфных, они высекали их в облики баранов и фантастических зверей. Может быть, разным божествам приписывались разные функции, да и по отношению к людям они, вероятно, делились на добрых и злых. Так, хищными фантастическими зверями, возможно, переданы злые божества, поскольку звери изображены в состоянии ярости, с оскаленной пастью и торчащими клыками. Интересно сосуществование в пантеоне такого хищника, человека и барана. Очевидно, древние скотоводы наряду с новыми человекоподобными

Рис. 22. Хищник
в позе человека.

божествами продолжали сохранять и образы более старых охотничьих духов в облике фантастического хищника. Некоторые из хищников изображены сидя, с согнутыми в коленях ногами. Поза человеческая. Хищник в такой позе сидеть не может. Голова таких зверей очень непропорциональна, а туловище перевязано ремнями крест-накрест. По-видимому, изображен не хищник, а человек — охотник в маске хищника (рис. 22).

Так, в результате исследований археологов заговорили каменные идолы, стелы седого Енисея. Сорок веков назад они были высечены искусными древними мастерами и ими же обожествлены. Стало ясно, что все идолы олицетворяют женщин. У женщин поперечными полосами раскрашены лица, а на лбу — магический значок. На голове у них высокие шапки, украшенные большими рогами и ушами. Спала пелена загадочности с трехглазых божеств в «коронах» либо в масках. И все же пока мы стоим лишь в начале выяснения семантики изваяний. Разрешив, что значат полосы, рога, корона и третий глаз изображений, подошли вплотную к новым, еще более трудным вопросам. В чем смысл звериного головного убора? Является ли он пережитком родового тотема или связан с новым зародившимся скотоводческим культом? Какой смысл значка на лбу и связан ли он с культом солнца, поскольку на ширинской стеле он имеет вид солярного знака? И основной вопрос: кого олицетворяют собой женские божества? Родоначалницу и покровительницу рода, хранительниц очага или это божество, покровительствующее благополучным родам? Почему три женских божества было у окуневцев, не связано ли это с делением племен на фратрии? И, наконец, для чего высекались изваяния? На эти и многие другие вопросы еще предстоит ответить ученым, чтобы проникнуть в то отдаленное от нас мировоззрение.

Таблицы (1—22)

Tables (1—22)

Табл. 1. Могильные степи Хакассии.

Табл. 2. «Кыс-таш» (девица-камень)
на р. Абакане, привезена в Минусинский музей
Д. А. Клеменцем.

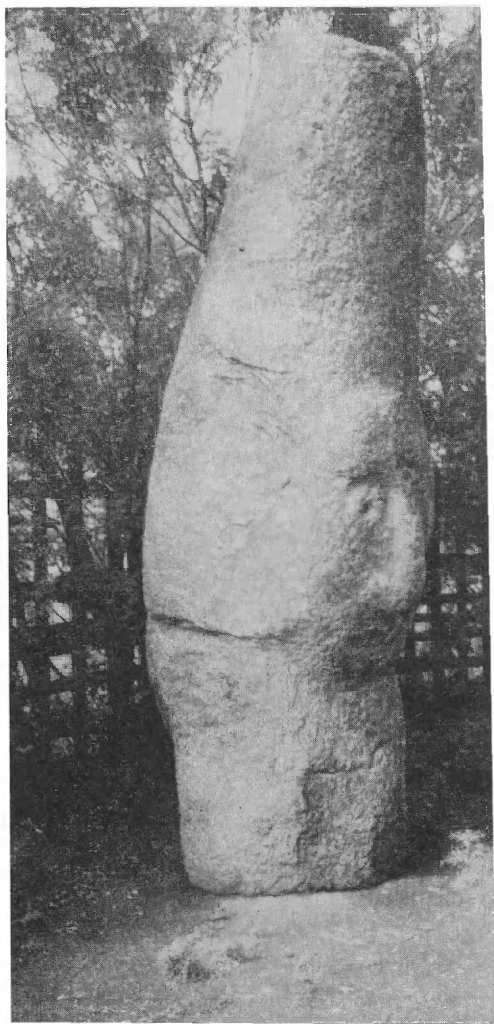

Табл. 3. Лицо на стеле с р. Уйбат.

Табл. 4. Изваяние у станции Фарпус (а — фас).

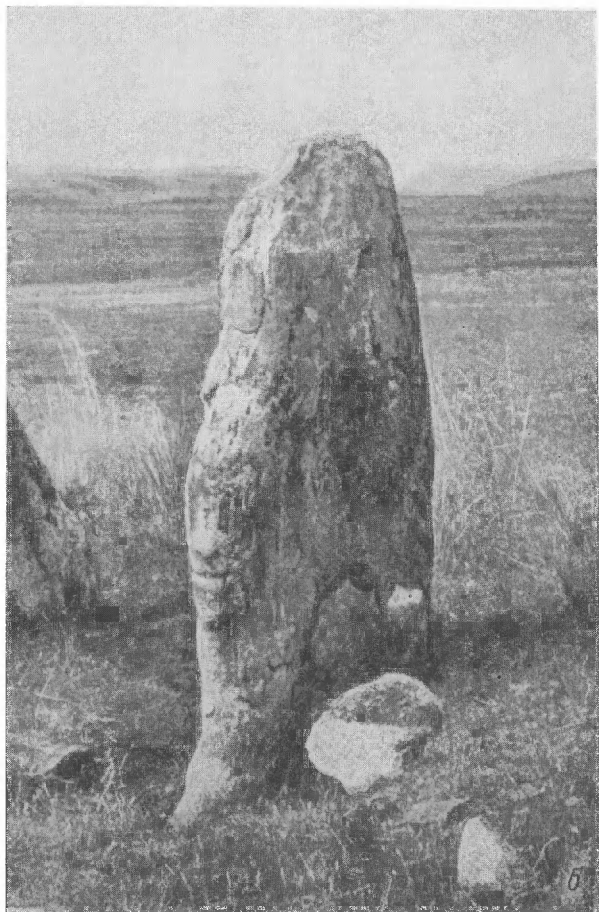

Табл. 4. Изваяние у станции Фарпус (6 — профиль).

Табл. 5. «Солнечное божество» с р. Аскыз.

Табл. 6. Стела с рельефным лицом человека
на р. Бире.

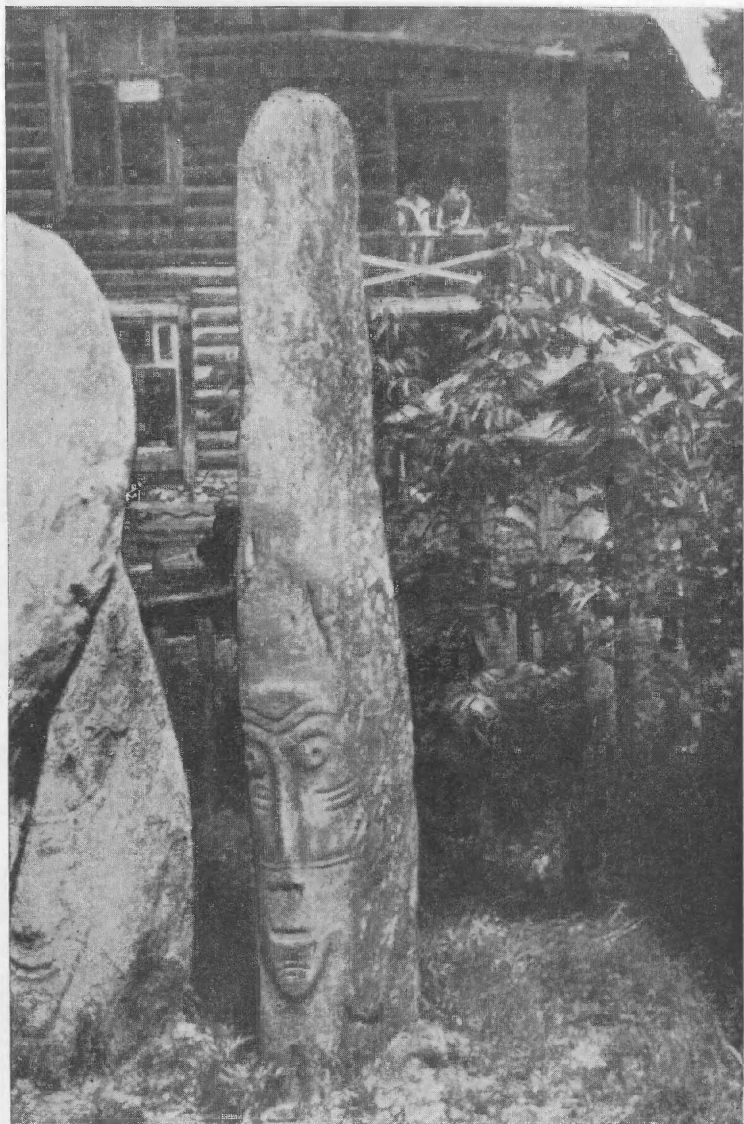

Табл. 7. «Айне» (черт) с р. Абакана.

Табл. 8. Куртуяк-таш — «старуха-камень».

Табл. 9. Трехглазый идол Минусинского музея.

Табл. 10. Божество со змеевидными отростками на голове.

Табл. 11. Верхнебиджинская каменная баба. Фот. 1910 г.

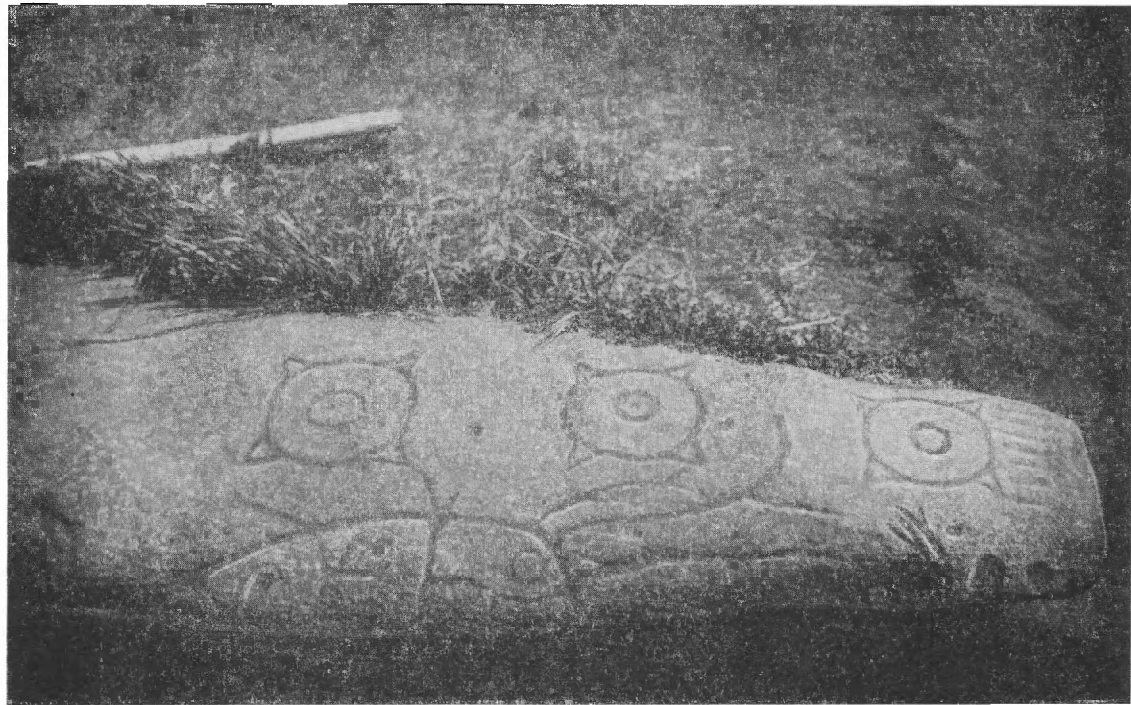

Табл. 12. Изваяние, лежащее в степи на р. Тубе. Фот. 1910 г.

Табл. 13. Трехглазая каменная баба в долине р. Бире.
Фот. 1905 г.

Табл. 14. Куколки-божки. Найдены в могиле. Увел. в 2 раза.

Табл. 15. Самая маленькая и самая большая
каменные фигуры из погребений.

Табл. 16.
Костяные пластинки
с выгравированными
лицами.
Найдены в могилах.

Табл. 17. Божество в «короне». Найдено в могиле.

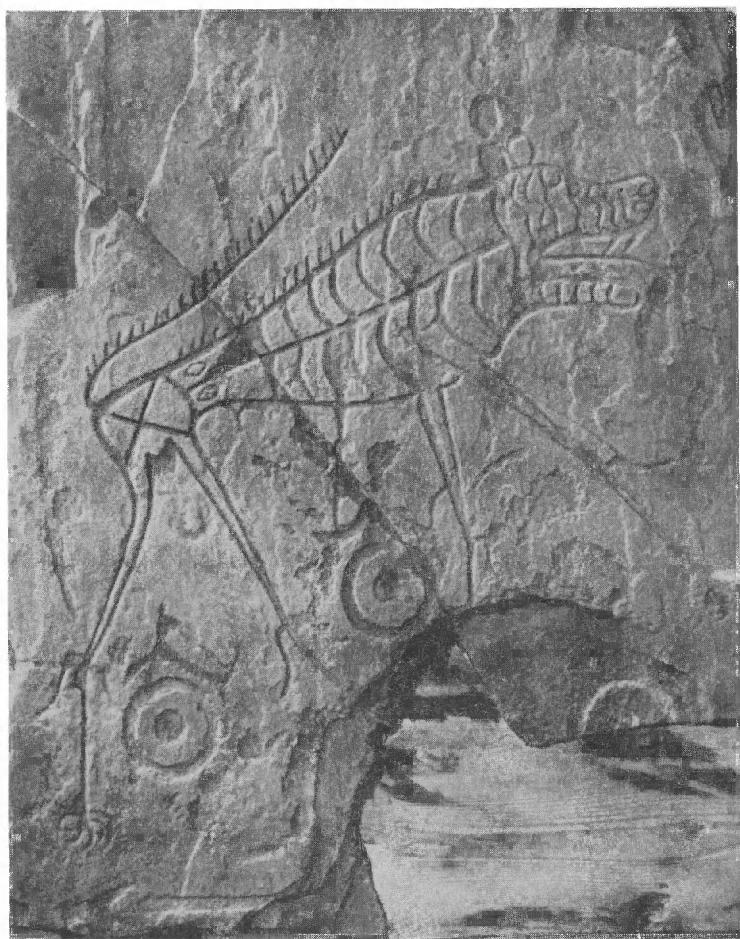

Табл. 18. Фантастическое животное с мордой медведя, туловищем волка на «курьих ногах». Найдено в могиле.

Табл. 19. Стела с р. Уйбат.

Табл. 20. Столб в долине р. Белый Юс.

Табл. 21. «Ширинская баба»
с головой хищника на животе
(а — фас).

Табл. 21. «Ширинская баба»
с головой хищника на животе
(б — профиль).

Табл. 22. Изваяние барана с человеческой личиной
на животе.

ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
14	2 снизу	далеко	далеки
27	3 сверху	Шир.	Шира.
Табл. 13	В подписи	Бире.	Бари.

Древние идолам Енисея

Les idoles anciennes de l'Iénisseï

Dans la steppe sibérienne se dressent des pierres. Elles ont la forme de poteaux, de sabres, de cigares; d'autres sont plates, d'autres encore ne sont que des blocs informes. Certaines pierres sont solitaires dans la steppe, d'autres s'alignent par groupes. Le plus souvent on les trouve sur les tombeaux, et ceux-ci sont si nombreux dans les steppes de la région de Khakasie et Minoussinsk qu'elles peuvent être qualifiées de musée à ciel ouvert ou de réserve du monde ancien.

A l'aube ou à la chute du jour, quand les rayons inclinés du soleil enflamment une dernière fois le tombeau, on voit tout-à-coup se dessiner sur certaines pierres les contours d'un visage humain, des yeux, un nez, une bouche. Les traits des visages sont marqués par de profondes rainures sur les faces larges ou étroites des plaques et sont colorés d'ocre. Le sens de beaucoup d'éléments du dessin reste impénétrable. Presque tous les visages sont barrés de raies transversales, ont un troisième oeil sur le front et sur la tête, au lieu de cheveux se dressent des cornes de bête et des oreilles, ou une «couronne».

Ces visages attirent les regards et fascinent le spectateur, que se soit un berger de la steppe ou un voyageur. Et les problèmes de leur origine ont toujours retenu l'attention: qui a élevé ces pierres, à quel peuple appartiennent ces statues, à quelle antiquité remontent-elles, qui représentent-elles, des dieux ou des hommes, pourquoi les visages ont-ils trois yeux et des cornes?

Comment étaient taillées les statues

Les anciennes sculptures anthropomorphes de l'Iénisseï sont très particulières. Ce n'était pas des figures ou des silhouettes qui étaient taillées, mais seulement le visage, la tête surmontée

d'une coiffure. Toutefois très souvent sous ce visage, des protubérances désignent les seins et le ventre. Toutes les statues sont exécutées selon la même technique: ayant choisi une plaque de pierre ou une stèle qui lui convenait, le sculpteur ébauchait d'abord par de fins traits le dessin futur, puis au moyen d'un outil spécial il taillait une rainure, ensuite dégrossissait avec une pierre dure; parfois les rainures étaient colorées d'ocre. De tels tracés se profilaient très nettement sur les blocs de granit blanc ou gris, ainsi que sur les plaques de grès brun apportées spécialement des montagnes.

Mais toutes ces idoles ne sont pas identiques. D'après le nombre des yeux, la coiffure et les raies qui traversent le visage, nous pouvons les répartir en trois groupes conventionnels: le groupe réaliste, le groupe non réaliste complexe, et le groupe non réaliste simple.

On compte peu de figures réalistes. Elles ont toutes un menton effilé, un nez droit, sans barre sur le visage, ni troisième oeil, ni coiffure. De ces figures se distinguent nettement les «divinités» qui sont exécutées en schémas très primitifs: un visage ovale ou rond, les yeux sont marqués par deux petits trous, la bouche par une petite rainure ovale, quant au nez il est marqué par deux points, mais très souvent il n'est pas représenté. Le visage est toujours barré d'une raie transversale. Il n'y a pas de coiffure, mais parfois de la tête divergent des «rayons».

Sur les stèles sont le plus souvent gravés des schémas faciaux très complexes. Ils ont trois yeux, le front barré de raies, ont un nez et un menton. Une coiffure complexe orne toujours la tête: une «couronne» ou des cornes de bête et des oreilles, ainsi qu'une bande verticale se dressant au-dessus du front. Cette fantasque coiffure zoomorphe, le troisième oeil et les raies donnent aux «divinités» un aspect des plus fabuleux.

Les idoles en pierre, objet de vénération

On peut facilement s'imaginer l'effet que produisaient dans l'antiquité ces fantastiques visages colorés, ces masques, sur leurs créateurs, car au XIXe siècle encore, bien qu'étant effacés

et ternis par les millénaires, ils suscitaient à la fois la peur et le respect chez les aborigènes. Ceux-ci donnaient à ces pierres les noms de «matrone», «idole», «vieille» etc. Devant ces idoles ils accomplissaient des sacrifices, ils posaient de la nourriture à leurs pieds, ils étendaient sur leurs lèvres de la crème de lait, du goudron, du sang d'animaux ou de la graisse. Lors de certains rites, on dansait et chantait autour d'elles.

Grâce à la vénération que les aborigènes vouent aux sculptures de la steppe, celles-ci se sont conservées jusqu'à notre époque, bien que les légendes qui circulaient parmi le peuple sur ces idoles ne firent que voiler leur véritable origine.

Les sculptures de la steppe, objet de recherches scientifiques

L'aspect singulier des pierres (en forme de sabre ou de cigare), les légendes qui les entouraient et leur donnaient une magnificence extraordinaire, tout cela attira l'attention des investigateurs de la Sibérie méridionale. On en trouve déjà des descriptions dans les travaux des savants du XVIIIe siècle D. B. Messerschmitt, Stralenberg, Peter-Simon Pallas, Gmelin et d'autres. Mais ce n'est que cent ans plus tard, à la fin du XIXe siècle, que fut amorcée l'étude de ces monuments, leur analyse et les tentatives de préciser à quelle époque ancienne ils remontent, et dans ce sens l'inauguration en 1875 du musée régional de Minoussinsk joua un rôle important. Réunissant des collections d'antiquités sibériennes, le musée ne manqua pas de s'intéresser aux sculptures de pierres, ces grandioses monuments de l'art plastique se dressant çà et là dans la steppe. On les recherchait, photographiait, on en faisait des croquis. Les plus remarquables étaient transportées et placées dans un pavillon du musée qui leur était spécialement affecté. Mais en fait l'activité des enthousiastes du musée de Minoussinsk se bornait à la prise de croquis, à la photographie et au transport des «matrones» de pierre. Les tentatives de leur donner une datation ou d'expliquer leur signification échouèrent. La cause de cet échec fut l'insuffisance des études archéologiques en Sibérie avant la Révolution.

La Révolution marqua une étape. Commença la mise en valeur du territoire sibérien. La construction de routes, de villes nouvelles, de stations électriques alla de pair avec les prospections archéologiques et les fouilles. Le nombre grandissant de tumulus que l'on mit à jour en Sibérie permit de les répartir en périodes.

Auparavant il était communément admis que la plupart des sculptures étant placées sur les kourganes, celles-ci sont des pierres funéraires datant de la même époque que les tombeaux. Mais quelle ne fut pas la surprise quand on vit que les stèles aux visages humains se dressent sur les tertres appartenant à des époques différentes. L'énigme s'empara de l'esprit des chercheurs: ces pierres grossières et sculptées sont-elles vraiment funéraires, ou bien n'ont-elles aucun rapport aux tumulus. A cette époque de jeunes archéologues, M. P. Griaznov et E. R. Schneider, s'attaquèrent à ce problème. Parcourant inlassablement la steppe à la recherche de stèles déjà connues et d'autres qu'ils découvrirent, les dessinant et notant la façon dont elles furent placées, les chercheurs conclurent que des sculptures absolument identiques se dressent dans la steppe sur des tumulus de l'Age du Bronze et sur d'autres remontent à l'Age du Fer. De plus elles n'occupent jamais une position déterminée dans l'enceinte, leurs visages sont dirigés dans différentes directions, parfois elles sont placées sens dessus dessous, la figure taillée plantée dans le sol. Visiblement, les idoles n'étaient pas vénérées par les bâtisseurs des kourganes, qui n'en firent qu'un second emploi, s'en servant comme de simples pierres pour élever les enceintes autour des tumulus. Ainsi ces sculptures remontent à une époque encore plus reculée. Si nous datons les kourganes avec sculptures de pierre les plus anciens aux VII—V^{es} siècles avant notre ère, cela signifie que les pierres sont encore plus vieilles et remontent à une époque antérieure à la culture dite de Karasuk des XII—VIIIes siècles avant notre ère et sont des monuments religieux, des représentations de divinités. Telle fut la conclusion des archéologues. Durant vingt ans on estima que le problème de leur provenance était résolu. Mais de nouvelles découvertes ranimèrent la dispute autour de l'âge des sculptures anciennes.

En 1945 dans la ville d'Abakan, lors des fouilles d'une sépulture du deuxième millénaire avant notre ère menées sous la direction de V. P. Levachova, furent mises à jour deux petites plaques en os où des visages féminins étaient gravés.

Le visage de l'une d'elles ressemblait extraordinairement au dessin gravé sur une plaque conservée au musée de Minoussinsk. Cette dernière se dressait auparavant sur l'un des kourganés près du village de Oust-les et avait jadis été placée au musée par le déporté D. A. Klements. Les deux figures ont l'ovale du visage identique, des pommettes saillantes, de longs cheveux tombant sur les épaules. Cette ressemblance extrême ne peut que donner la ferme conviction que ces deux visages furent taillés par des artistes d'une même époque historique. Mais les petites plaques en os sont datées par l'ensemble funéraire des XIX—XVIIIes siècles et non des XIII—XIIes siècles avant notre ère. Ceux qui taillèrent les visages réalistes sur les stèles vécurent vraisemblablement à une époque plus reculée que l'on ne pensait, sans doute au début du deuxième millénaire avant notre ère.

Lors des discussions les opinions des chercheurs divisèrent: la majorité estimait que les figures avaient été taillées par des peuples sibériens différents, c'est-à-dire par ceux qui vécurent lors même de l'apparition des objets métalliques et par ceux qui vécurent durant le bel Âge de Bronze jusqu'à l'Âge de Fer. D'autres rattachaient tous les visages sculptés — les plus primitifs et les plus complexes — à la même période: le second millénaire avant notre ère.

La discussion redoubla d'acuité quand en 1957 l'archéologue sibérien A. N. Lipsky découvrit lors des fouilles de la sépulture de Tass-Khazaa («palais de pierre») près du hameau Tchapytkov des plaques avec des visages humains. Ce sépulchre remonte à la même époque que celui de la ville d'Abakan où furent trouvées les plaques en os. Mais les visages des plaques de Tass-Khazaa ne sont pas réalistes mais très schématiques. Mais celles-ci ne permirent pas plus d'établir l'âge des idoles car elles avaient été employées pour recouvrir les fosses tombales et sont donc plus anciennes que les tombes qu'elles ferment.

En 1963—1964 G. A. Maximenkov, dirigeant d'un des groupes de l'expédition archéologique de Krasnoïarsk mit à jour sur la rive gauche de l'Iénisseï, dans la vallée de la petite rivière Tchernova desséchée, une sépulture qui élucida l'origine des dieux en pierre de l'ancien Iénisseï. Dans cette vallée où rien de particulier n'attira jamais le regard du passant et qui pourtant livra tant de secrets aux spécialistes penchés sur les problèmes du passé, on trouva côte-à-côte des cimetières de différentes époques, et parmi eux, de basses enceintes d'une an-

cienneté de quatre millénaires. Et ce fut dans ces tombes que l'on découvrit des objets de cet art original des habitants préhistoriques des steppes de l'énisseï et de Khakasie. Quels sont ces objets?

Depuis le XIXe siècle est conservée au Musée national de Helsinki une figurine en stéatite. Elle a l'aspect d'une petite colonne; à l'une de ses extrémités est sculptée une petite tête aux longs cheveux et avec des boucles aux oreilles. La figurine avait été rapportée de Sibérie méridionale par le savant finlandais I. P. Aspeline en 1887. Elle avait été découverte par hasard, en dehors de toute recherche archéologique systématique. Elle n'avait ainsi aucun nom, et son appartenance à quelque époque ou culture resta inconnue. Soixante-dix ans plus tard, en 1958, des écoliers découvrirent également par hasard une seconde figurine, pareille à la première, au pied de la montagne Storojeva, dans le Sud de la Khakasie. Quels furent les doigts habiles qui taillèrent dans la pierre d'aussi délicates têtes féminines? Et à quelle époque appartiennent-elles?

A présent l'énigme est résolue. Dans les cercueils de la rivière Tchernova, parmi la vaisselle et les parures avaient été déposées 8 figurines analogues, ayant à peu près les mêmes dimensions: de 17 à 50 mm. Ainsi, 4000 ans nous séparent de ces miniatures sculpturales dont l'exécution artistique nous étonne par sa perfection et témoigne du réalisme de cet art si ancien. On trouva également dans la sépulture des visages féminins plats. Ils sort gravés sur les petites plaques en os polies. Au total on trouva auprès des défunts 14 figures en pierre et os, ce qui démontre que de tels objets étaient assez répandus.

Une heureuse trouvaille fut faite lors des fouilles de ce cimetière: des représentations fantastiques de visages humains dont certains savants défendirent l'origine très ancienne. Des parois et des couvercles des cercueils, des divinités tricéphales, surmontées d'étranges coiffures rappelant des «couronnes» taillées en profondes et larges rainures conservant par endroits des traces d'ocre rouge, fixaient de leurs yeux les archéologues fascinés. Une de ces divinités tricéphales coiffée d'une couronne tridentée tient dans chacune de ses mains une pique comme si elle défendait quelque chose. La découverte dans les mêmes tombes de figures tricéphales fantastiques, et d'autres dessins réalistes, démontrait, semblait-il, qu'elles étaient de la même époque et permettait d'établir leur âge. Quant à ce der-

nier, il ne fut fixé que très relativement. Il se fait que toutes ces plaques décorées de figures étaient encore une fois brisées et n'étaient pas disposées dans un ordre bien défini; la face sculptée dirigée vers l'extérieur ou vers l'intérieur du cercueil. Donc, ici, elles avaient également fait d'objet d'un second emploi, comme matériel convenant à la confection de cercueils, tout comme plusieurs siècles plus tard leurs descendants utilisèrent les énormes blocs monolithes portant des visages analogues pour les enceintes tombales. Ici également, dans la vallée de la Tchernova, les dieux avaient été sculptés dans les plaques bien avant de se trouver dans les sépultures. Mais quand? Le problème de leur âge se posait à nouveau.

Une troisième fois le problème de l'identité des créateurs des divinités tricéphales se dressait devant les chercheurs cette même question qui devait donner la clé du mystère de ces dieux et des croyances des hommes de cette époque éloignée.

Sur les plaques des cercueils de ce cimetière, sont représentées non seulement des divinités à trois têtes, mais aussi des bœufs, des bisons, des loups, des oiseaux, rendus avec beaucoup de réalisme par de fines lignes gravées dans la pierre. Sur une des plaques est sculpté un énorme animal à pelage rayé, la gueule féroce hérissée de crocs, le corps massif planté sur des «pattes d'oiseau». La bête est fabuleuse car elle possède des traits de tigre, loup, sanglier et d'oiseau.

Vers la clé du mystère des sculptures

Ainsi, grâce aux découvertes des dernières années, les savants connurent des représentations de visages humains non seulement sur les stèles des steppes, mais sur les plaques des tombeaux du début de l'Âge de Bronze. Mais ce n'est qu'après des défunts, dans les sépultures, que l'on découvrit les miniatures réalistes, les figurines en stéatite et les petites plaques en os. Leur âge coïncide à celui des ensevelissements. Quant aux figures non réalistes, elles furent trouvées sur les plaques qui remplirent un second emploi et par conséquent leur âge exact n'est pas établi. Aussi la première tâche qui se dressait devant les savants était de savoir si les différents groupes de vi-

sages humains ont quelque point commun, s'ils sont des monuments d'une même époque ou s'ils peuvent appartenir à des périodes différentes.

On prit conscience que si les trois groupes de figures anthropomorphes se distinguent très nettement, ils ne sont pas isolés l'un de l'autre. Ils sont liés par une technique sculpturale identique, par une même traduction des détails du visage, par toute la manière de représentation. De plus, on rencontre des figures réunissant des traits de groupes différents. Tout cela porte à considérer les trois groupes de figures comme l'oeuvre d'artistes d'une même époque historique.

Les stèles portant plusieurs figures différentes ne font que confirmer cette thèse. Deux stèles de ce type sont conservées dans la cour du musée d'Abakan. La stèle provenant du lac Chir est particulièrement belle. Elle est de grès rouge et mesure 230×70×30 cm. Sur cette stèle est taillé un buste humain massif, les bras pliés aux coudes, le ventre et la poitrine proéminents. Sur la tête, des cornes de boeuf et des oreilles; sur le front, un troisième oeil qui a la forme d'un signe solaire; de profondes raies traversent le nez et le menton. En plus de cet être fabuleux, dans le haut de la stèle sont gravés deux visages, dont l'un, en relief, est réaliste, l'autre est plat, très stylisé, avec trois yeux et portant plusieurs raies. Ces trois figures appartenant à différents groupes sont encadrées d'une large raie liserée de triangles et forment une composition unique, ce qui exclut l'hypothèse selon laquelle elles appartiendraient à des époques différentes.

La seconde stèle portant plusieurs visages fut ramenée des environs du hameau Polganov. Dans la partie supérieure on voit une figure simple, schématique, et dans la partie inférieure, une figure fantastique avec des oreilles de bête et des cornes.

Une stèle ayant la forme d'une pirogue taillée dans du granit blanc et mesurant 4 m de longueur repose dans la steppe non loin de la rivière Biély Ious. Dans le peuple on la nomme «vierge-pirogue» ou la «pierre-pirogue». Sur cette stèle est taillé un grand visage fantastique à trois yeux, portant de nombreuses raies, des cornes de bête et des oreilles. De ce visage part vers le haut une large bande dans laquelle sont tracées cinq figures: sont donnés les yeux, des petits points et une bouche, une petite rainure. Ainsi sur cette stèle également des visages schématiques primitifs et un autre visage fantastique, complexe, se combinent et forment une seule composition.

Dans les musées d'Abakan et de Minoussinsk sont conservées deux stèles dans la partie supérieure desquelles sont sculptées des têtes de moutons. La première provient de la rivière Biri, l'autre de la rivière Verkhnaïa Bidja. En plus des têtes de moutons on peut voir sur les deux stèles des visages anthropomorphes. Sur la stèle de la rivière Biri la gueule du mouton est unie au visage humain par une bande ornementale pareille à celles des trois stèles susmentionnées. Par conséquent, sur ces monuments, les figures zoomorphes et anthropomorphes furent également exécutées simultanément.

Quel est l'âge des idoles

Ainsi, le mystère peu à peu s'élucide. Car c'est bien à l'époque où furent sculptées les divinités couronnées à trois yeux conservées sur les plaques des tombeaux de la vallée de la Tchernova que se rapportent toutes les idoles de l'ancien Iénesseï. Mais, on l'a dit, les plaques avec figures avaient, pour les tombeaux, fait un second emploi. Ceci signifie que les figures n'avaient pas été spécialement sculptées pour accompagner le défunt dans le tombeau. Dans le cas contraire les stèles n'eussent pas été brisées et placées dans les tombeaux n'importe comment. Les stèles furent sans le moindre doute travaillées avant la construction des sépultures et eurent auparavant une autre destination. Mais combien de temps auparavant? Si plusieurs siècles séparent les stèles des tombeaux, les sculptures sont alors liées à des hommes de l'époque précédant celle des tombeaux ou pour s'exprimer dans la langage scientifique, à une autre culture archéologique. Mais il est possible que 100 ans, ou 10 ans ou 1 an à peine séparent les deux époques. Dans ce cas les sculpteurs furent les mêmes hommes qui bâtirent le cimetière, les contemporains des défunts ou leurs descendants les plus proches. Qui peut-on irrécusablement considérer comme les créateurs des idoles à trois yeux?

Dans des cimetières plus anciens, datant du IIIe millénaire, de l'étape dit d'Afanassiev, auquel appartiennent les anciens habitants de la vallée de la Tchernova, on ne trouva aucun objet de l'art plastique, que ce soient des figures humaines ou animales. Aussi est-il inconcevable de voir dans les Afanassiens des sculpteurs habiles.

Cependant presque tous les cimetières de l'époque précédente, de l'étape dit d'Okouniev, à laquelle se rapporte la sépulture qui nous intéresse, contiennent des figures graphiques ou sculpturales d'hommes et d'animaux. Mais ceci ne prouve pas non plus que ceux qui taillèrent les stèles et ceux qui les utilisèrent pour leurs tombeaux vécurent durant la même période archéologique. Ceci est prouvé par les objets déposés auprès des morts. A ces objets se rapportent les figurines en stéatite et en os déjà citées. Les figurines sont incontestablement originaires de l'étape d'Okouniev. Donc les visages réalistes des stèles qui leur sont identiques doivent également être okouniéviens. On trouva également une pendeloque en pierre ornée d'un visage non réaliste. Trois yeux sont marqués, des narines, le nez, des raies. Aux extrémités de la bouche sont tracés de petits coins. De tels angles se retrouvent aux extrémités des bouches de certaines idoles fantastiques, en particulier figurant sur les plaques de la sépulture qui nous intéresse. La ressemblance stylistique entre ces figures est incontestable. Par conséquent les stèles du tombeau, ainsi que la tablette en pierre, datent de l'époque de la sépulture.

Donc relativement peu de temps s'écoula entre la confection des «idoles» et leur utilisation dans les tombeaux. Le degré de conservation des plaques en témoigne. Elles ne restèrent visiblement que fort peu de temps à ciel ouvert avant de se trouver dans les tombes.

Comment les plaques ornées de «divinités» se trouvèrent dans les tombeaux

Les hommes préhistoriques ne purent-ils pas utiliser lors de la construction des tombeaux des figures qui visiblement jouissaient d'une grande importance dans leur culte? Cela ne jure-t-il pas avec leurs croyances? Et l'ethnographie et l'archéologie ont-elles fixé de tels cas?

L'ethnographie témoigne de nombreux exemples quand les plus diverses figures magiques et idoles furent l'objet d'un emploi au cours d'un laps de temps très limité. Par exemple même

aux XVIII—XIXes siècles les Ostiaks vivant sur l'Obi brisaient leurs divinités en cas de déveine; les Nénets les frappaient, les invectivaient et les jetaient. Les Kets de l'Iénisseï fouettaient leurs divinités et les jetaient au feu. Il arrivait qu'une «divinité» appartienne non pas à tout le clan mais à un seul individu. A la mort du propriétaire, sa pierre sacrée est détruite afin d'en libérer la force divine car elle peut causer du tort aux vivants. Mais très souvent, ces objets sacrés que l'on brisait n'étaient pas jetés; ils étaient emportés dans les montagnes où on les cachait. Ainsi en Russie existait la coutume de ne pas jeter les vieilles icônes mais de les poser sur les eaux d'un fleuve. Les Ostiaks habitant sur la rivière Salyma enterraient au pied d'un arbre les vieilles images sacrées. De plus, nos plaques purent également se briser tout naturellement car elles sont minces et fragiles.

Dans le fait du second emploi des pierres portant des images sacrées par les idolâtres eux-mêmes il n'y a rien de surprenant. On connaît des cas quand des images liées à certains rites étaient effacées quand ces pratiques étaient terminées; d'autres images prenaient leurs places. L'âme de la divinité, de l'esprit ou du défunt renfermée dans la pierre quittait cette pierre aussitôt qu'elle était brisée; selon les croyances de nombreux peuples arriérés, cette pierre perdait sa vie, devenait une pierre ordinaire, et pouvait être utilisée à différentes fins, par exemple, elle pouvait servir dans les tombes.

Le fait du second emploi de sculptures anthropomorphes n'est pas plus nouveau dans l'archéologie. Dans les steppes du littoral de la Mer Noire, certaines sépultures de la culture dite des sépultures à fossé proche de la culture d'Okouniev sont couvertes de stèles archaïques anthropomorphes. Elles sont beaucoup plus primitives que les stèles sibériennes, ont l'aspect de plaques grossières avec une protubérance formant tête. De plus elles sont parfois marquées de larges épaules, des bras et de petits trous marquant les détails du visage. Il est possible que toutes ces stèles ne se rapportent pas à la même époque. Mais la plupart des savants rapportent certaines d'entre elles à la culture des sépultures à fossé, c'est-à-dire estiment qu'elles sont synchroniques aux tombeaux. Cependant certaines circonstances permettent de croire que ces «matrones de pierre» de la culture des sépultures à fossé sont utilisées pour la seconde fois dans ces tombes. Ainsi la figure sculptée sur la plaque n'est pas conformé ni à la pose du défunt (sur la plaque les bras sont tendus tandis que le squelette est recroquevillé

sur le flanc), ni à l'âge (sur la plaque est représenté une poitrine de femme, dans la tombe repose un enfant), ni au nombre des défunts (une sculpture couvre une tombe où gisent deux squelettes et non un seul), ni aux dimensions de la tombe (une grande plaque couvre la tombe d'un enfant).

Ainsi les données archéologiques témoignent de ce qu'à un certain degré de développement social les hommes utilisaient une seconde fois leurs images rituelles et même pour la construction des tombes. Il est vraisemblable que cela n'était pas opposé à leurs croyances.

Que signifient les images

Le temps vint de s'intéresser à ce que cachent ces visages humains : des dieux ou des hommes, que signifie le troisième oeil, les raies sur le visage, la «couronne», les cornes et les oreilles de bête.

Selon les ethnographes, nombre de peuples primitifs se peignaient le visage d'ocre, de charbon ou de cendre dans des buts esthétiques ou rituels. Ainsi les Andamanéens et les tribus Atapa des indiens du Nord peignaient leurs visages par des raies et dans le même ordre (en travers du front, du nez et sous le nez) comme sur les stèles sibériennes.

Y avait-il ici, sur l'énisseï des raies de tatouage? Oui, et en plus de certains parallèles d'ordre ethnographique, ceci est prouvé par les trouvailles archéologiques. Dans certaines tombes de la remarquable sépulture de la Tchernova, des crânes ont conservé des traces d'ocre rouge. Se sont conservées des raies sous les yeux, sous le nez et sur le menton, une tache sur le front.

Donc les raies sur les visages des sculptures fantastiques figurent la peinture du visage. Et que signifient les cornes, les oreilles et les «rayons» ou la «couronne», et le troisième oeil?

L'étude des dessins a montré que les cornes de boeuf vont toujours de pair avec les longues oreilles ainsi qu'avec un long ruban vertical de formes diverses descendant du front. Cette combinaison de détails toujours présente témoigne de ce qu'il s'agit de la même parure, d'une haute coiffure surmontant les têtes de la plupart des idoles de l'énisseï. On interpréta égale-

ment les «divinités couronnées» car les dents des couronnes ne sont que des cornes stylisées. Ainsi, les «visages couronnés» ne diffèrent en rien des têtes ornées de cornes, ce signe peut avoir une valeur purement territoriale, mais il a le même sens zoomorphe de la coiffure. Quant aux «rayons» qui divergent de certains visages, après comparaison avec les dessins des tablettes en os, ils se sont avérés être des cheveux. On pénétra également l'énigme du troisième oeil. Après une étude très minutieuse des sculptures et maints croquis, on découvrit qu'il s'agissait vraisemblablement non pas d'un oeil, mais d'un signe magique : il est souvent plus petit que les deux yeux et parfois a une autre forme. Et sur les crânes «peints» il s'est conservé sous forme de taches sur le front.

Donc sous ces raies fantastiques, ce troisième oeil et ces cornes, se cachent des visages réel mais peints et revêtus de coiffures zoomorphes.

Et, en définitive, que dissimulent les images sacrées des stèles? Pouvons-nous y voir des divinités?

Comme il le fut prouvé déjà dans les années trente, ces monuments n'ont aucun rapport avec les sépultures. Donc ces pierres ne sont pas tombales. D'autre part il est difficile de n'y voir que des objets d'art ou des portraits. L'impuissance des hommes devant les forces de la nature les faisait croire à des forces surnaturelles, à des esprits, aussi leur vie était accompagnée de rites magiques, d'exorcismes, de danses rituelles, liés à tous les aspects de la vie : chasse, métiers ou fêtes. Et si les hommes confectionnaient des effigies animales ou humaines, c'était pour atteindre un but bien déterminé : guérir une maladie, favoriser le succès de la chasse, protéger le troupeau, etc.

Dans nos matériaux nous avons la preuve de l'emploi pratique dont furent l'objet ces oeuvres d'art. Chez les figurines et les tablettes en os décorées de visages féminins trouvées dans les tombes, ce n'est que la partie supérieure qui est polie, la partie inférieure ne porte pas les traces d'un frottement : elle était visiblement cachée sous le vêtement, et uniquement dépassait la tête. De telles figurines pouvaient servir de fétiches.

Les fouilles archéologiques menées dans d'autres régions témoignent également de l'existence de ces fétiches. On en trouva dans le Kazakhstan oriental et sur l'Obi. Mais au lieu de têtes en stéatite ou de tablettes en os, on utilisait des paturons de chevaux à l'une des extrémités desquels des trous étaient forés pour y passer des colliers et sur les côtés, pour des boucles d'oreilles.

Les fétiches sont souvent mentionnés par les ethnographes. Les Téléouts, les Chtchorets, les Koumandinets de l'Altaï septentrional en fabriquaient avec des morceaux de bois ou de petits sacs bourrés d'herbe ou d'étope. Ce sont des esprits protecteurs féminins que la mère transmet en héritage à ses filles. On connaît également les statuettes en os des esquimaux d'Amérique qui servaient de jouets aux enfants et avaient en même temps une signification magique. Nos tablettes en os et figures en stéatite se rencontrent exclusivement dans les tombes où sont ensevelis des enfants et des femmes. Il est remarquable sous ce rapport que les sculptures en pierre de l'Iénisseï représentent des femmes car très souvent des protubérances sous le visage marquent les seins et le ventre. Ainsi nous pouvons tirer la conclusion générale que tout comme les figurines en stéatite, les sculptures anthropomorphes du bassin de Minoussinsk doivent être considérées comme des monuments du culte, des divinités que l'on craignait, amadouait, dont on s'efforçait d'obtenir quelque assistance.

Le panthéon des anciens habitants de l'Iénisseï ne se limite pas à ces divinités féminines. En plus des dieux anthropomorphes, ils en taillaient sous l'aspect de moutons et de bêtes fabuleuses. Il est probable que chaque divinité avait des fonctions qui lui étaient propres et que les divinités humaines se répartissaient en bienfaisantes et malfaisantes. Ainsi les bêtes fauves fantastiques figuraient visiblement des dieux méchants car elles ont l'aspect féroce, la gueule hérissée de crocs. Il est intéressant de remarquer le voisinage dans ce panthéon de tel fauve, de l'homme et du mouton. Vraisemblablement les anciens éleveurs conservèrent en plus de nouvelles divinités anthropomorphes des vestiges d'esprits cynégétiques sous l'aspect de fauves fantastiques. Certains fauves sont représentés assis, les jambes arrière pliées aux genoux. C'est une pose humaine. Un animal ne peut se tenir dans une telle pose. La tête de pareils fauves est disproportionnée, le corps est bandé de courroies formant croix. Il semble que ce n'est pas un fauve qui est représenté, mais un homme, un chasseur affublé d'un masque animal.

Tels furent les secrets que livrèrent les idoles en pierre du vicil Iénisseï lors des investigations des archéologues.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Как высекали изваяния	6
Каменные идолы — объект почитания	9
Изваяния предмет научного изучения	10
На путях раскрытия тайны изваяний	25
Как велика древность идолов	30
Как панты с «божествами» попали в могилы	32
Что означают изображения	34
Таблицы (1-22)	39

TABLE DES MATIÈRES

	Page
Les idoles anciennes de l'énisseï	65
Comment étaient taillées les statues	65
Les idoles en pierre, objet de vénération	66
Les sculptures de la steppe, objet de recherches scientifiques	67
Vers la clé du mystère des sculptures	71
Quel est l'âge des idoles	73
Comment les plaques ornées de «divinités» se trouvèrent dans les tombeaux	74
Que signifient les images	76

Эльга Борисовна Вадецкая
ДРЕВНИЕ ИДОЛЫ ЕНИСЕЯ

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Р. К. Пазиле*
Художник *К. Г. Претро*
Технический редактор *Н. Ф. Виноградова*
Корректор *Н. П. Яковлева*

Сдано в набор 25/III 1967 г. Подписано к печати
16/VIII 1967 г. РИСО АН СССР № 125а-104В.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бум. л. $1\frac{1}{4}$.
Печ. л. $2\frac{1}{2}$ = 4,20 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 3,01.
Изд. № 3114. Тип. зак. № 204. М-22869.
Тираж 6000. Бумага типографская № 2.

Цена 20 коп.

Ленинградское отделение
издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука».
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ